
СТАТЬИ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ФОЛЬКЛОРА

В. И. ЕРЕМИНА

К ИСТОКАМ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ И ИСКУССТВА (Ф. И. БУСЛАЕВ)

Федору Ивановичу Буслаеву принадлежит выдающаяся роль в постановке научного изучения литературы и народной поэзии, языкознания, археологии и древнерусского искусства. Труды Ф. Буслаева в каждой из этих областей знания составили целый этап в развитии не только русской, но и мировой филологической науки. И всем этим отраслям знаний Ф. И. Буслаев дал истинно научное направление, он явился не только родоначальником, но и крупнейшим деятелем этой науки, он двигал ее вперед своим неутомимым трудолюбием и могучим талантом. «Деятельность Буслаева является, таким образом, сама крупной частью истории молодой еще русской науки: изучая труды Буслаева, мы изучаем в то же время все те фазы развития, которые прошла наука истории русской литературы и искусства от ее истинного начала вплоть почти до наших дней. (...) Более подробное исследование из круга деятельности Буслаева того, что уже стало фактом науки, фактом ее истории, несомненно подтвердит это».¹

Федор Иванович Буслаев родился 13 (25) апреля 1818 года в г. Керенске (ныне г. Водинск) Пензенской губернии. Отец его, служивший секретарем земского суда, умер, когда мальчику было пять лет. Детство и отрочество он провел с матерью в Пензе, куда они переехали сразу после смерти отца.

В 1828 г., десяти лет от роду, Ф. Буслаев поступил в пензенскую гимназию, где проучился четыре года, окончив полный (по тем временам) курс среднего учебного заведения. Его наиболее известными гимназическими учителями были В. Г. Белинский и Евтропов, преподававшие русскую словесность. В пензенской гимназии под руководством Белинского и Евтропова, вспоминал впоследствии Буслаев, он «впервые узнал и полюбил русскую словесность, которой потом посвятил всю свою жизнь в литературных трудах и лекциях с кафедры Московского университета».²

Самые условия, среди которых сложился спокойный, вдумчивый, чуткий ко всему хорошему и художественному, деликатный характер Федора Ивановича, заслуживают внимания будущего биографа. «Детство его и ранние годы юности протекали в провинции в те времена, когда художественная наша литература переживала редкие дни: это было время рассвета Пушкина, слава которого и поклонение которому проникали в самые глухие уголки России, время появления „Горя от ума“. Пенза в этом отношении была одним из таких счастливых уголков провинции: по рассказам самого Ф. И. Буслаева, художественная лира Пушкина увлекала тогда всех: что не доходило путем печати, доходило в рукописях, списывалось, читалось, заучивалось; сам Федор Иванович любил рассказывать, какое волнение

¹ *Сперанский М. Н.* Памяти Ф. И. Буслаева: Речь, прочитанная в заседании Императорского Общества любителей древней письменности 28 ноября 1897 г. // Памятники древней письменности. М., 1898. С. 2.

² *Буслаев Ф. И.* Мои воспоминания // Русский вестник. 1897. № 9. С. 379.

у них произвело своим появлением „Горе от ума“ (разумеется, в рукописи) в Пензе. Эти первые художественные впечатления, запавшие в молодую душу, остались на всю жизнь, развиваясь, углубляясь по мере развития Буслаева: чувство художественности, любовь к прекрасному, умение не только понимать, но и наслаждаться им отличали Буслаева всю жизнь».³

Окончив гимназию в возрасте пятнадцати лет (в 1833 г.), Ф. И. Буслаев начал готовиться к поступлению в Московский университет. Из-за недостатка средств он мог поступить в университет только казеннокоштным студентом, что было весьма непросто. «Для меня, — писал он, — настоятельно необходимо было выдержать экзамен не для того, чтобы только поступить в университет, а чтобы обеспечить самое свое существование (...) Не выдержи я экзамена, мне пришлось бы в Москве помереть с голоду, а о возвращении в Пензу нечего было и думать без копейки в кармане».⁴

В июле 1834 г. Буслаев уехал в Москву и с блеском выдержал экзамен на историко-филологический (в то время словесный) факультет.

С 1831 г. кафедру русской словесности возглавлял И. И. Давыдов. До этого времени он преподавал классическую филологию, философию и даже высшую математику. Несмотря на то что еще в 1841 г. Давыдов получил звание академика по отделению русского языка и словесности, а через десять лет после этого был избран даже председательствующим отделения, он как ученый не создал ничего сколько-нибудь значительного. Его наиболее крупный труд — «Чтения о словесности», выпущенный первым изданием в 1837—1838 гг., «в котором избранные произведения русской литературы, начиная с XVIII в. вплоть до Пушкина, разбирались в эстетическом плане, в перспективе развития мировой литературы и мирового ораторского искусства, оказался устаревшим уже при выходе в свет».⁵

Ф. Буслаев, слушавший лекции И. И. Давыдова в начале 1840-х гг., писал о нем: «И по образованию своему, а может быть, и по врожденной склонности Давыдов решительно предпочитал философское умозерцание подробному разработыванию фактических мелочей, как философ, ограничивая свои лекции теорией словесности, вовсе не занимался историей литературы. Он был убежден, что русская словесность в настоящем ее смысле начинается только со времен Петра Великого, и древнерусским письменным и старопечатным памятникам не придавал собственно литературного значения. В языке Нестора или „Слова о полку Игореве“ видел бессмысленную порчу церковнославянской грамматики и хаотическое брожение неустановившихся, грубых элементов русской речи, а к народному языку былин и песен относился с презрительным снисхождением».⁶

И тем не менее проф. Давыдов оказал заметное влияние на научную судьбу Ф. И. Буслаева. Именно он впервые познакомил своего ученика с работами В. Гумбольдта,⁷ сыгравшего столь значительную роль в научных интересах Буслаева. После окончания университета Ф. И. Буслаев начал преподавать в Московском университете в качестве адъюнкта при профессоре И. И. Давыдове.

В университете Ф. Буслаев слушал также лекции проф. С. П. Шевырева, талант которого как поэта, переводчика, искусствоведа и просто широко образованного человека ценил А. С. Пушкин. В пору преподавания Шевырева в Московском университете еще не существовало особой кафедры «всеобщей литературы», и Шевыреву, как позднее и Буслаеву, приходилось вести преподавание русской литературы, начиная с преподавания курса истории поэзии. Первый и единственный том этого курса вышел в 1836 г. Заклучая в себе общее обозрение развития мировой поэзии, а также характеристику поэзии древнеиндийской и древнееврейской, курс

³ Сперанский М. Н. Памяти Ф. И. Буслаева. С. 2—3. Рассказ об этом передавал лично Федор Иванович Сперанскому в один из своих четвергов.

⁴ Буслаев Ф. И. Мои воспоминания. М., 1897. С. 2.

⁵ Гудзий Н. К. Изучение русской литературы в Московском университете. М., 1958. С. 7.

⁶ Буслаев Ф. И. Мои воспоминания. С. 182.

⁷ Гумбольдт В. фон. 1) Избранные труды по языкознанию. М., 1984; 2) Язык и философия культуры. М., 1985.

Шевырева в противовес отвлеченно-теоретической эстетической системе романтиков, воспитанных на философии Ф. В. Шеллинга, придерживался исторического принципа в рассмотрении явлений поэтического творчества, и это, несмотря на компилятивный в своей основе характер курса, явилось шагом вперед в развитии русской литературной науки.

В том же 1836 г. Шевыревым была напечатана «Теория поэзии в историческом развитии у древних и у новых народов», за которую он получил степень доктора философии. Обе книги вышли вторым изданием в 1887 г. В дальнейшем, в 1844—1845 гг., лекции Шевырева приобрели уже иной характер, они были в значительной степени проникнуты идеями либерального просветительства и «официальной народности», но по-прежнему поражали обилием привлекаемого материала. Эти лекции, опубликованные в 1846 г., содержали в себе обзор памятников русской народной поэзии и книжной литературы до конца XII в. В 1858—1869 гг. вышло второе, значительно дополненное издание курса в четырех томах, излагающее судьбы народной поэзии и древней русской литературы до конца XV в. Шевырев — человек большой эрудиции — был всесторонне знаком с накопившимся ко времени работы над книгой фактическим материалом и с древнерусскими рукописями. «Дольше других частей книги свою ценность сохранили его примечания, сопровождающие каждую лекцию, и введение к курсу, где Шевырев дал общий перечень и детальный анализ источников и пособий по древней русской литературе, ознакомил с государственными и частными собраниями рукописных памятников и сообщил важнейшие сведения в области вспомогательных для истории литературы наук — палеографии и библиографии».⁸ С. П. Шевырев читал курс теории словесности и истории зарубежной литературы, вел практические занятия, где изучалась история стилей по памятникам (от летописи до Пушкина). Он привил своему ученику любовь к древним языкам, под его влиянием у Буслаева зародилась мысль об исследовании русского эпоса в сравнении с греческим.⁹ «Лекции Шевырева, — вспоминал Буслаев, — производили на меня глубокое, неизгладимое впечатление, и каждая из них представлялась мне каким-то просветительным откровением, дававшим доступ в неисчерпаемые сокровища разнообразных форм и оборотов нашего великого и могучего языка. Я впервые почувствовал тогда всю его красоту и сознательно полюбил его. Чтобы дать вам понятие о силе животворного действия, оказанного на меня Степаном Петровичем в его филологических наблюдениях и анализах, достаточно будет сказать, что они воодушевили меня и были положены в основу моих грамматических и стилистических исследований, когда я работал над составлением моего сочинения: „О преподавании отечественного языка“».¹⁰

Громадную роль в творческом развитии Ф. Буслаева сыграл еще один профессор Московского университета, М. П. Погодин. Он впервые познакомил своих учеников с грамматикой Я. Гримма,¹¹ научил их разбирать старинные рукописи, расширил их представления о мировой славистике. «Является Михаил Петрович на кафедру, — писал в дальнейшем Буслаев, — и вместо исторической лекции начинает нам рассказывать о Шафарике, Палацком, Ганке, Вуке Караджиче и других знаменитых ученых славянских, с которыми он познакомился в свою поездку за границу, откуда только что воротился. 30-е годы было время самое бойкое для возрождения славянской народности в науке, литературе и политике. Это великое дело только еще тогда начиналось: и вот мы — студенты — в первый раз в жиз-

⁸ Гудзий Н. К. Изучение русской литературы в Московском университете. С. 10.

⁹ В магистерской диссертации Ф. И. Буслаева «О влиянии христианства на славянский язык. Опыт истории языка по Остромирову Евангелию» (М., 1848) на основании широкого сравнительного изучения перевода Евангелия Ульфила и перевода Св. Писания на славянский язык раскрывается история языка на фоне движения жизни и культуры.

¹⁰ Буслаев Ф. И. Мои воспоминания. С. 125.

¹¹ Важнейшими из работ Я. Гримма по языку являются «Немецкая грамматика» (*Deutsche Grammatik*, 1819), «История немецкого языка» (*Geschichte der deutschen Sprache*. Leipzig, 1848. Bd. 1—2) и предпринятый им совместно с Вильгельмом (с 1854 г.) «Словарь немецкого языка» (*Deutsches Wörterbuch*, Leipzig).

ни услышали имена знаменитых славянских деятелей от Михаила Петровича, и тогда же мы узнали, что Шафарик готовит к печати свои Славянские древности, в которых он докажет всему миру, что не немцы, а славяне были старожилками и хозяевами всех тех областей, где потом очутились насильниками и господами немцы (...) узнали мы, и что Палацкий работает над историей чешского народа, и что искалеченный Вук Караджич, подпираясь соими костылями, пешком исходил всю сербскую землю и собрал сокровища сербской народной поэзии».¹²

В университете Буслаев делал свои первые научные шаги. Будучи студентом Московского университета, он получил серьезную лингвистическую подготовку. По поручению проф. И. И. Давыдова Буслаев перевел «Общую грамматику» А. И. де Саси (в немецкой переделке И. С. Фатера), «дополнив ее примерами из русских и старославянских памятников письменности; составил систематический свод грамматик М. Смотрицкого, М. В. Ломоносова, академической грамматики 1802 г., грамматик Н. И. Греча и А. Х. Востокова, грамматики старославянского языка И. Добровского».¹³ Для Шафарика Ф. Буслаев снял копию с Толковой псалтыри XI в.

Погодину Буслаев был обязан тем, что он первый научил его читать и разбирать старинные рукописи, во множестве собранные в древлехранилищах.

В мае 1838 г. Ф. И. Буслаев окончил университет, получил степень кандидата и начал работать сверхштатным учителем русского языка в младших классах 2-й Московской гимназии и одновременно, по рекомендации И. И. Давыдова, — домашним учителем в семействе барона Л. К. Боде. Буслаев должен был подготовиться к поступлению в старший класс Пажеского корпуса сына барона и одновременно занимался русским языком с его младшими дочерьми.

Через год (весной 1839 г.) попечитель Московского учебного округа проф. С. Г. Строганов предложил Буслаеву отправиться вместе с его семьей за границу в должности домашнего учителя. Такая поездка открывала широкие возможности для самообразования. Из воспоминаний Ф. И. Буслаева мы узнаем о его путешествии в Германию и Италию, о его занятиях археологией и историей искусства. В Неаполе Буслаев провел всю зиму. «С утра он давал уроки своим ученикам, а затем усердно занимался археологией и историей ранней итальянской живописи. Осенью 1840 года все семейство переехало в Рим, где Буслаев начал изучать итальянский язык и литературу, а также архитектуру „Вечного города“. В апреле 1841 года он покинул Рим и отправился через Вену и Варшаву на родину. После возвращения в Москву Буслаев продолжал работать у Строганова и одновременно в 3-й Московской гимназии».¹⁴ Именно графу С. Г. Строганову, по собственному признанию Буслаева, он был обязан первыми уроками по истории искусства: недаром памяти графа С. Г. Строганова посвятил Буслаев свою лебединую песнь, «Русский лицевой Апокалипсис». За границей Ф. И. Буслаев впервые всерьез познакомился со школой Я. Гримма.¹⁵ Сборник сказок братьев Гримм «Kinder — und Hausmärchen» был адресован широкому кругу читателей, но в то же время представлял собой научное издание: значительное число сказок было дано с сохранением диалектных особенностей речи, были отмечены и точные сведения об исполнителях и т. п. Все последующие переиздания сказок, осуществленные уже одним Вильгельмом Гриммом, потеряли статус научного издания, т. к. подверглись (как того и требовали романтики) литературной обработке. И только в 1822 г. сборник появился в свет, снабженный научным комментарием, где были сформулированы основные положения гриммовской мифологической теории.¹⁶ Работа по изучению

¹² Буслаев Ф. И. Мои досуги. М., 1886. Ч. II. С. 254.

¹³ Баландин А. И. Мифологическая школа // Академические школы в русском литературоведении. М., 1975. С. 23.

¹⁴ Смирнов С. В. Федор Иванович Буслаев / МГУ. М., 1978. С. 9—10.

¹⁵ Первым книжным знакомством Буслаева с учением Гримма Буслаев обязан М. П. Погодину; см.: Буслаев Ф. И. Мои воспоминания. С. 128, 125.

¹⁶ «За „Сказками“ последовал ряд других собирательских и исследовательских работ братьев Гримм: сборник немецких сказаний (Deutsche Sagen, I—II, Berlin, 1816—1818); работы по изучению северных сказаний, чем занимался главным образом Вильгельм, первая из них вышла еще в 1811 г.

саг, сказок, языка, права «послужила для Як. Гримма основой, на которой возник самый значительный, ставший основоположным, обобщающий труд его по немецкой мифологии (*Deutsche Mythologie*, Göttingen, 1835), — труд, явившийся надолго опорным, в котором была сформулирована мифологическая концепция Гримма, называемая иначе „арийской“, или „индоевропейской“, теорией в мифологии».¹⁷ Главным и основным средством, с помощью которого может быть раскрыто народное предание, по теории Я. Гримма являлся язык. «История языка стоит в теснейшей связи с преданиями и верованиями народа, язык в период его образования носит на себе следы народной мифологии, древнейшие формы эпической поэзии ведут свое начало от образования самого языка, родство индоевропейских народов подтверждается не только родством языков, но и общностью верований и преданий; поэтому иное изучение славянского народного предания, нежели сравнительное, невозможно. Такая постановка изучения народности была совершенной новостью в нашей литературе, как первый опыт с помощью научно примененного сравнительного метода заглянуть в историю славянской древности тех времен, которые считались до сих пор недоступными исследователю. Помимо новизны такая постановка вопроса расширила до небывалых размеров самое изучение, что сказалося немедленно на последующих работах самого же Буслаева и других его единомышленников, принявших от него взгляды Гримма».¹⁸ В центре концепции Я. Гримма была мысль об этической ценности народного предания. Эта идея легла в основу концепции эпоса и его происхождения. Гримм был уверен, что народное сказание всегда истинно, всегда в основе его лежит нравственная и поэтическая правда. «Читая его „Граматику“, — писал Ф. И. Буслаев, — чувствуешь живую связь языка с верованиями и убеждениями народа; изучая его „Мифологию“, невольно соглашаешься с его лингвистическими соображениями, основанными на самом точном соблюдении всех законов сравнительно-исторической грамматики. Мощный дух истинно великого ученого проявляется во всей обаятельной силе своей не только в целом исследовании, но и в отдельных наблюдениях над мелочами, входящими в состав целого, и везде, и в целом и в частях, оказывается одна и та же глубина и полнота воззрений на самую сущность изучаемого предмета».¹⁹

С 1842 г. Федор Иванович Буслаев начинает работать в Московском университете, сначала помощником профессоров русской словесности И. И. Давыдова и С. П. Шевырева «для исправления и разбора письменных упражнений студентов». Но уже с января 1847 г. Буслаев является в университет в иной, более деятельной роли «стороннего преподавателя». Буслаев преподает русский язык студентам I-го курса физико-математического факультета и одновременно читает лекции по сравнительно-историческому изучению русского языка на историко-филологическом факультете. В это же время он работает над магистерской диссертацией «О влиянии христианства на славянский язык». В 1844 г. выходит в свет первая значительная работа Буслаева — «О преподавании отечественного языка».²⁰ Эти ранние серьезные труды Буслаева, внешне, казалось бы, вовсе не связанные между собой разделами науки, в представлении Буслаева объединялись в единое целое, опирающееся на совокупность фактов народной жизни. Широта Буслаева не раз смущала его современников; на магистерском диспуте Буслаева один из его оп-

(W. Grimm, *Alddänische Heldenlieder, Balladen und Märchen*, Heidelberg — „Стародатские героические песни, баллады и сказки“), а в 1815 г. появилось их совместное издание Эдды (*Lieder der alten Edda*) и знаменитой поэмы Гартмана фон дер Ауэ „Бедный Гейнрих“ (*Der arme Heinrich von Hartman von der Aue*). Одновременно Якоб Гримм занимался и изучением народной поэзии других стран, в частности Испании, и в том же 1815 г. опубликовал сборник испанских романсов (*Silva de romances viejos*) и т. д.». — *Азадовский М. К.* Русская мифологическая школа Буслаева, Афанасьева // *История русской фолклористики*. М., 1963. Т. 2. С. 50.

¹⁷ Там же. С. 51.

¹⁸ *Сперанский М. Н.* Памяти Ф. И. Буслаева. С. 5.

¹⁹ *Буслаев Ф. И.* Сравнение русских слов с санскритскими, г-на Хомякова. [Рец.] // *Отечественные записки*. 1855. № 9. Отд. 4. С. 37—38.

²⁰ О сути и значении этого труда см.: *Шахматов А. А.* Буслаев как основатель исторического изучения русского языка // *Четыре речи о Ф. И. Буслаеве*. СПб., 1898.

понентов задал вопрос: «Кто же хозяин в его книге: лингвист или историк?» — «Я здесь хозяин», — ответил Буслаев.²¹

Буслаев 22 июля 1848 г. защитил диссертацию и был утвержден в ученой степени магистра русской словесности, а уже в августе этого же года стал адъюнктом по кафедре словесности в Московском университете. «Со вступлением Буслаева на кафедру в качестве самостоятельного университетского преподавателя начинается самый цветущий и самый плодovitый период его ученой деятельности. Он сосредотачивает свое внимание главным образом на изучении русской народной поэзии, древнерусской (преимущественно народной) литературы и тесно связанного с ними древнерусского искусства. Памятником, и памятником весьма замечательным, этого периода деятельности Буслаева являются два толстых тома его „Исторических очерков русской народной словесности и искусства“ (СПб., 1861). В то же время Федор Иванович не покидает и педагогической деятельности и продолжает работать (по заказу Главного управления военно-учебных заведений) над учебниками по русской грамматике и древнерусской словесности. Результатом этих работ явился его „Опыт исторической грамматики русского языка“ (1858 г.) и его „Хрестоматия церковно-славянского и древнерусского языка“ (1861 г.)».²²

С 1850 по 1881 г. Буслаев состоял профессором Московского университета. За свой труд «Исторические очерки русской народной словесности» (Т. I—II, 1861 г.), практически целиком объединяющий опубликованные ранее статьи и университетские лекции, он получил степень доктора *honoris causa* и звание академика.

Лекции Буслаева всегда вызывали живейший интерес аудитории. Его появление на кафедре встречалось громом аплодисментов. Особенно подкупало то, что он читал широко и свободно, без каких-либо записей. Один из его слушателей писал: «Что меня более всего поразило, так это то обстоятельство, что способ чтения Буслаева не походил на чтение других красноречивых профессоров. Там было искусство, здесь естественность, там декламация, здесь как бы простой пересказ, там отделка фразы, здесь как бы шероховатости, недомолвки, отсутствие работы над конструкцией речи. И в то же время умение задержать за живое слушателей, приковать их внимание к предмету лекции, не дать им возможности скучать и утомляться. О великих артистах часто употребляется выражение: они живут на сцене. Вполне справедливо и о Федоре Ивановиче можно сказать: он жил на кафедре. Я не знаю, изложил ли он десяток, другой фраз спокойным, бесстрастным тоном? Едва ли. Пока он говорил, он был одушевлен, и это одушевление выражал движениями лица, глаз, головы, разнообразными характерными жестами. Вот он говорит о чем-либо важном и торжественном, чело его омрачается, правая рука поднимается вверх и как бы грозит; вот его слово касается чего-либо презренного и отвратительного — посмотрите, как отразилось чувство гадливости на необыкновенно подвижном лице его; вот он сказал о чем-то поразительном, случившемся внезапно, и смотрите — откинулся на спинку кресла, и в глазах его начертано недоумение».²³

В поздний период своей деятельности Ф. И. Буслаев, продолжая заниматься народной словесностью, все более уклоняется в область истории древнерусского искусства. Памятниками этого периода являются два новых сборника статей, изданных в последние годы под заглавиями: «Народная поэзия»²⁴ и «Мои досуги»,²⁵ и монография под заглавием: «Общие понятия о древнерусском иконописании». Этими сборниками и вышеупомянутыми трудами Ф. И. Буслаева его научная деятельность «не исчерпывается вполне, и, насколько эти печатные сочинения при-

²¹ Азадовский М. К. Русская мифологическая школа Буслаева, Афанасьева // История русской фольклористики. Т. 2. С. 58.

²² Полевой П. Н. Ф. И. Буслаев: (По поводу 50-летия его ученой деятельности) // Исторический вестник. 1888. Т. 34. Октябрь. С. 204.

²³ Танков А. Воспоминания о Ф. И. Буслаеве // Исторический вестник. 1897. Сентябрь. С. 842, 845.

²⁴ Буслаев Ф. И. Народная поэзия: Исторические очерки. СПб., 1887.

²⁵ Буслаев Ф. И. Мои досуги: Собранные из периодических изданий мелкие сочинения Федора Буслаева. М., 1886. Ч. I—II.

надлежат русской литературе, настолько они и могут служить в данную минуту верным мерилom ученых заслуг и деятельности почтенного профессора в различные периоды его жизни и научной карьеры».²⁶

Академическими занятиями в университете контакт Ф. И. Буслаева со студентами не ограничивается. Двери его дома²⁷ были широко открыты и для студентов, и для преподавателей. «Пятница была приемным днем Буслаева не для одних студентов, и посетителей была масса: приходили учителя, магистранты, литераторы признанные и непризнанные. Трудно даже понять, как все они умещались в маленькой квартире Буслаева. (...) В первой комнате за круглым столом сидело человек 12 студентов за работой; большинство списывали лекции и поправляли свои заметки; некоторые работали по книгам и старым рукописям. Всякого вновь приходившего хозяин спрашивал о факультете и цели прихода; если это был юрист или математик, являвшийся за лекциями или небольшой справкой, Буслаев устраивал его немедленно за столом; если же приходил филолог, Буслаев вводил его в кабинет, подробно расспрашивал о подготовке, о намеченных целях, давал советы, снабжал книгами, знакомил со своей библиотекой».²⁸ Ф. И. Буслаев предложил своим ученикам прочесть у себя на дому курс лекций по истории русского языка. Лекции он читал по воскресеньям, история русского языка изучалась по памятникам. «Мы приходили часов в десять утра, — вспоминает А. И. Кирпичников, — Федор Иванович раздавал нам рукописи и книги для подготовительной работы, а в 12 часов начиналась лекция, прерываемая вопросами. Здесь опять был нам случай поговорить с Буслаевым, но уже исключительно по делу. (...) Понятно, что при таких частых свиданиях с нами Буслаев знал нас прекрасно и легко мог отличить из нас тех, кто выказывал охоту работать. Добр и ласков он был ко всем без исключения, но за таких он готов был, как говорится, душу положить; если такой студент попадал в какую-нибудь историю, разумеется, не безнравственного характера, Буслаев на выручку ему пускал в ход все свои связи, ездил, просил, кланялся (как никогда он не стал бы просить за родного сына) и нередко спасал всю будущность молодого человека. В числе других и я испытал это на самом себе. Никогда и ни в чем Буслаев не замыкался перед нами в свое профессорское достоинство. Все, что волновало студентов, было близко и его сердцу, хотя, конечно, на многое смотрел иными глазами, чем мы».²⁹

В делах, не имеющих отношения к науке, «в так называемых добрых делах, Буслаев никогда не ограничивался формальным благодеянием, и к своему трудовому рублю всегда прилагал сердечное участие».³⁰ «Многочисленные ученики Буслаева, — продолжает Кирпичников, — даже из более близких, по окончании курса или по получении места большею частью будто забывали его. Но никогда в продолжение 35 лет нашего знакомства я не слышал от него жалобы на то, что вот, мол, такой-то, всем или многим ему обязанный, забыл его: и не пишет, и сам не заезжает. Да он искренно был убежден, что никто ему ничем и не обязан. Он учил, он давал свои книги, но это был его долг, и успехи студентов доставляли ему удовольствие. Он находил уроки и места. „Экие пустяки какие! Да это всякий бы сделал! Хороший студент стоит и большего“. Он рекомендовал на кафедры, вел длинную переписку с официальными учреждениями. Так ведь это делалось не для лица, а для пользы науки. Короче, послушать его, так он был обязан нам всем, а не мы ему».³¹

Ф. И. Буслаев создал научную школу, и многие его выдающиеся ученики (А. А. Веселовский, А. И. Соболевский, В. Ф. Миллер, М. Н. Сперанский,

²⁶ Полевой П. Н. Ф. И. Буслаев... С. 205.

²⁷ Он жил в Москве, в доме Афросимова во Власьевском переулке, в небольшой квартире на первом этаже.

²⁸ Кирпичников А. И. Ф. И. Буслаев как идеальный профессор 60-х годов // Памяти Федора Ивановича Буслаева. М., 1898. С. 175.

²⁹ Там же. С. 176.

³⁰ Там же. С. 184.

³¹ Там же. С. 191.

А. А. Котляревский, В. О. Ключевский, Ф. Е. Корш, А. А. Шахматов и многие другие), каждый в своей области, пошли дальше своего учителя и прославили русскую филологическую науку.

П. Н. Полевой на юбилейном заседании в честь 50-летия ученой деятельности Ф. И. Буслаева говорил о том, что ученики Буслаева не должны выжидать оценки «наших детей и внуков»,³² а обязаны сказать «свое» слово о деятельности Ф. И. Буслаева «и предоставить будущему поколению говорить о нем спокойнее, беспристрастнее, но зато и холоднее, и строже, и взыскательнее». И далее: «Не следует забывать того, что для нас многое из написанного Буслаевым еще представляет собой живую страницу, тесно связанную с живыми фактами нашей собственной жизни, нашего развития, нашего самосознания. Для наших внуков эта страница обратится в мертвую букву, затеряется среди множества научных фактов нашего прошлого».³³

Каким же видели современники Ф. И. Буслаева, человека, который в течение нескольких десятилетий был высшим авторитетом в области филологической науки?

Дадим им слово. Воспоминания А. И. Кирпичникова относятся к апрелю 1861 г. В то время слава имени Буслаева, «который тогда только возвратился из Петербурга, где учил наследника, и только что издал свои монументальные „Очерки“, привлекла на его лекцию много добровольцев из старших курсов». «Я ожидал увидеть маститого старца, — вспоминает Кирпичников, — по крайней мере лет на 30 старше нашего словесника, и был приятно поражен, увидев красивого, симпатичного человека средних лет, с умным и выразительным лицом, живого и изящного во всех своих движениях; уже по одной наружности он показался мне идеалом профессора (...) Его лекция, почти дословно написанная, но превосходно читаемая, по живости и какой-то спокойной, уверенной красоте своей формы вполне соответствовала его наружности. Ее содержание (увы!) плохо далось мне: несмотря на три-четыре тома Белинского, мной прочитанные, несмотря на десятки сочинений, мной написанных, я был еще слишком мало развит для настоящей науки; а Буслаев, как я потом присмотрелся, в лекциях не спускался до студентов, но поднимал их до себя».³⁴

Огромное значение придавал Буслаев эстетическому развитию человека, его способности наслаждаться прекрасным. «В нем самом все было красиво, начиная с его манер и одежды; проведя в юности несколько лет учителем в аристократических домах старой Москвы и по своей эстетической натуре сочувствуя красоте формы, Буслаев был в этом отношении очень требователен к себе. (...) Всякая фраза Буслаева, о чем бы ни писал он, хотя бы о палеографии, была грациозна и гармонична. Чутье к красоте слова было у него развито до такой степени, что он иногда приходил в восхищение даже от хорошего выражения неверной мысли. Это вздор, нелепость, — говорил он, бывало, — но посмотрите, как хорошо сказано! — И он по пяти раз повторял меткую фразу».³⁵

А. А. Танков познакомился с Ф. И. Буслаевым во второй половине 1870-х гг. Он пишет: «Стоило один раз в жизни видеть Буслаева, чтобы потом его образ запечатлелся в душе навсегда. Высокого роста, сановитого телосложения, представительной наружности, он казался моложе своих лет. Ему в то время шел 58-й год, но живость и энергия, присущие его характеру, не допускали и мысли о преклонном возрасте профессора. Необыкновенно благородно было выражение его лица, обширный ум выражали его глубоко лежащие глаза, открытое высокое чело гармонировало с правильным овалом лица, шла к нему и небольшая бородка темных с проседью волос. Мне известно несколько портретов Буслаева, но ни один из них не передает как следует оригинала: вся подвижность, вся эффектность, если по-

³² Речь идет о мнении проф. А. И. Кирпичникова.

³³ Полевой П. Н. Ф. И. Буслаев... С. 202—203.

³⁴ Кирпичников А. И. Два профессора: Воспоминания о Федоре Ивановиче Буслаеве // Очерки по истории новой русской литературы. М., 1903. С. 174.

³⁵ Там же. С. 185—186.

зволительно так выразиться, физиономии Федора Ивановича на портретах утрачивается. Буслаев обладал прекрасными изящными манерами, безукоризненную, на английский лад, деликатностью в обращении, „расшаркивался“, как шутливо говорили иногда о нем студенты, перед университетскими служителями, одевался щеголевато и производил вообще самое симпатичное впечатление. Но что обаятельнее всего было в нем, чего не передает никакая фотография, никакой портрет: когда он был оживлен, то все лицо его светилось особою духовною красотой». ³⁶

В конце 1870-х гг., когда Ф. И. Буслаев уже почти потерял зрение, он не только не тяготился жизнью, он наслаждался ею «до последнего часа!» «Этот 70-летний старик, едва двигавшийся по комнате, был так же жизнерадостен и так же молод душою, как и много лет назад. Он был так же добр, ласков, отзывчив и гуманен: он так же наслаждался поэзией; он так же любил молодежь и вообще людей, минутами так же весело смеялся, изредка так же горячо негодовал. (...) К своему прошлому он относился с глубокой и трогательной благодарностью. Не один раз говорил он мне: „Я очень много испытал счастья в жизни, счастья всякого рода, отчасти и незаслуженного. Мне есть чем помянуть и молодость, и мужество, и даже старость“». ³⁷

М. Н. Сперанский вспоминает последнее публичное выступление Ф. И. Буслаева: «Напомню этот трогательный случай, который, с одной стороны, покажет наглядно, чем был для нас Буслаев, с другой стороны, даст образец той научной прямоты и уважения к науке, которые отличали Буслаева всю жизнь. Это было в январе 1890 года, во время последнего московского археологического съезда, когда высокий, сутуловатый, белый как лунь старик в толстом, несколько старомодном сюртуке, уже плохо видевший, медленно, с трудом поднимался по широкой лестнице Исторического музея, поддерживаемый женой и графиней П. С. Уваровой, тогдашним председателем съезда, окруженный толпой учеников и почитателей, часто уже также немолодых и удрученных годами и трудами. Войдя в аудиторию, Федор Иванович сел перед большим столом и несколько минут среди гробовой тишины сбивался с мыслями. Затем полилась слабая, тихая, но в то же время спокойная и живая характерная речь о стилизации деревьев и гор в русской миниатюре: Буслаев чистосердечно указывал на свои промахи и неполноту исследования в своем „Апокалипсисе“ и перед собравшимися со всех концов России учеными исправлял свои ошибки. Толпа густой каймой окружала стол, стремясь протиснуться поближе к оратору, с жадностью и благоговением ловя не всегда внятные звуки старческой речи. Конец чтения был своего рода апофеозом Буслаева: ученая Россия торжественно признавала его великие заслуги перед обществом...» ³⁸

На заседании Общества любителей российской словесности 21 декабря 1897 г., вспоминая своего учителя, А. И. Кирпичников сказал: «Звание профессора он (Буслаев) считал высшим, какое только есть на свете, достойным уважения, почти поклонения всех истинно культурных людей, но в то же время возлагающим на своего носителя нелегкие обязанности: профессор должен быть не только трудолюбивым ученым, но и безупречным человеком, живым образцом для всех и во всем. Профессор безнравственный или жадный к деньгам был для Буслаева так же непонятен, как и профессор — карьерист и чиновник. Сам Буслаев не принимал на себя никаких административных должностей ни по университету, ни вне его, и удивлялся, как другие могут стремиться к ним». ³⁹

Отношение к науке у Ф. И. Буслаева было особым, почти святым. С. В. Смирнов, прочитавший дневник Буслаева, нашел в нем следующее высказывание от 11 июля 1849 г. Свои впечатления от прочтения писем Гете и Гумбольдта Буслаев высказал следующим образом: «Мне кажется, будто эти письма писаны ко мне, будто я бесеую с этими великими людьми и учусь у них великой науке. Здорово, просто и возвышенно смотреть на жизнь и мир, учась у них неукротимой деятель-

³⁶ Танков А. Воспоминания о Ф. И. Буслаеве. С. 842.

³⁷ Кирпичников А. И. Два профессора... С. 193, 194.

³⁸ Сперанский М. Н. Памяти Ф. И. Буслаева. С. 21—22.

³⁹ РГАЛИ. Ф. 69. Оп. 1. Ед. хр. б. Л. 161.

ности, посвященной пользе всему человечеству, пользе, которую они принесли всему миру своим высоким образованием».⁴⁰ И продолжает: «Истинный ученый, равно как и истинный поэт, не станет мешать в грязь действительности своих высоких идей. Пусть ратуют крикуны, которым нечего лелеять в своей душе, пусть пускают в ход ради корысти свои мелкие способности и страсти: истинная наука, неподкупное искусство так же чисты и светлы, как сама религия».⁴¹ В том же дневнике 25 ноября 1848 г. Буслаев записал: «Человек, посвятивший себя науке, вооружен крепким оружием против мелочей и треволнений жизни. Идея его науки — его единственная цель, его дума, его стремление. Что бы ни случилось во внешних обстоятельствах, пока крепка его вера в науку, он тверд в своих мыслях и действиях. Интрига, недоброжелательность, сплетня не коснутся и края одежды его. Но если себялюбие, слава, попытки на влияние присоединились к его науке — он перестал быть ученым».⁴²

Попробуем коротко подвести итоги тому, что сделал Ф. И. Буслаев для русской науки. В своей первой значительной работе «О преподавании отечественного языка» (1844 г.), построенной на основании новейшего языкознания, Буслаев разработал собственную методику преподавания русского языка. Он показал, что метод первоначального преподавания языка должен быть генетическим, основанным на постоянном развитии в человеке «врожденного слова». Поскольку изучение русского языка становится наукой, то оно должно быть систематическим. В таком случае систематической сравнительно-исторической грамматике должны предшествовать как практическое изучение иностранных языков в сравнительном аспекте, так и чтение древних и новых памятников русской литературы. Только сравнительное изучение языков дает ясное понятие о законах языка, и только «историческое исследование генетически объясняет, почему так, а не иначе употребляем мы ту или иную форму».⁴³ Здесь же Буслаев впервые делает попытку объяснения «истории народного языка», то есть извлекает из старого и народного языка материалы для истории быта.⁴⁴ Его работа «О влиянии христианства на славянский язык», написанная в культурно-историческом плане, является одним из важнейших опытов истории языка, понимаемой в связи с движением жизни культуры. Сопоставляя два древних перевода Евангелия — готский и славянский, «Буслаев выделяет словарный пласт, внесенный в древний язык христианством, и доказывает, что славянский язык задолго до Кирилла и Мефодия подвергся влиянию христианских идей, — пишет К. Войнаховский. — Об этом свидетельствует тот факт, что готский перевод для выражения идей христианства еще сохраняет мифологические предания, в то время как славянский перевод Евангелия отличается чистотой передачи христианских понятий. В истории славянского языка, таким образом, устанавливаются два перевода: древнейший — мифологический и позднейший — связанный с христианством».⁴⁵ Мы обязаны Буслаеву тем, что он растолковал нам значение языка как исторического источника. Теперь это значение вполне понятно, но тогда «оно усвоилось с некоторым трудом, и не мной одним, — вспоминал М. Н. Сперанский. — Живо помню впечатление, произведенное на меня чтением статьи „Эпическая поэзия“. Это было в 1860 или 1861 г. Заглавие вызвало во мне привычные школьные представления об эпосе, „Махабхарате“, „Илиаде“, „Одиссее“, русских богатырских былинах. Читаю и нахожу нечто совсем другое. Вместо героических подвигов и мифических приключений я прочитал в статье лексикографический разбор, вскрывший в простейших русских

⁴⁰ Там же. Л. 161.

⁴¹ Там же. Л. 162—163.

⁴² Там же. Л. 156. См. также: *Смирнов С. В.* Федор Иванович Буслаев. С. 28.

⁴³ *Буслаев Ф. И.* О преподавании отечественного языка. М., 1844. (2-е изд. М., 1867). С. 68.

⁴⁴ *Пытин А. Н.* История русской этнографии. СПб., 1891. Т. II. С. 78.

⁴⁵ *Войнаховский К.* Значение трудов академика Ф. И. Буслаева в истории науки о русском языке // Памяти Федора Ивановича Буслаева в истории науки о русском языке. М., 1898. С. 103; Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 225. О «творческом диалоге» А. Н. Веселовского и Ф. И. Буслаева см.: *Топорков А. Л.* Теория мифа в русской филологической науке XIX века. М., 1997. С. 337—342.

словах вроде думать, говорить, делать сложную сеть первичных житейских впечатлений, воспринятых человеком, и основных народных представлений о божестве, мире и человеке <...> Первое и главное произведение народной словесности есть самое слово, язык народа».

Появление двух первых трудов Буслаева положило начало новому направлению в русской науке, не имевшему ничего общего как с перерождающимся славянофильством, так и со школой прогрессистов, смотревших на вопрос о народности только с его социальной стороны. Буслаев, ориентируясь на школу Гримма, дал изучению народности строго научные основы исторического освещения фактов, утвердил нравственное отношение к народному творчеству и народному языку.

Понятие народности рассматривалось Буслаевым необычайно широко, но способы и виды проявления народности имели свою «начальную точку истории», этой общей точкой было слово, главное и «самое естественное орудие предания». К нему сходятся «все тончайшие нити родной старины, все великое и святое, все, чем крепится нравственная жизнь народа». ⁴⁶ Таким образом в концепции Буслаева воедино сливаются история языка и история словесности.

Основную заслугу Ф. И. Буслаева в истории не только русской, но и европейской науки А. Н. Пыпин видел в установлении им новых отношений «к народной старине», в проникновении «в задушевные тайны» народной поэзии. ⁴⁷ Стремясь раскрыть основные закономерности народной поэзии, Ф. И. Буслаев обращался к ее истории. Именно в далекой истории, «в темной доисторической глубине», в том времени, когда создавался самый язык, видел он истоки поэтического творчества. Происхождение языка рассматривалось Ф. И. Буслаевым как первая, «самая решительная и блистательная попытка человеческого творчества». Отсюда слово в его понимании оказывалось не условным знаком для выражения мысли, но художественным образом, вызванным «живейшим ощущением, которое природа и жизнь в человеке возбудили». ⁴⁸ Не случаен поэтому и особый интерес Буслаева к истории языка, где за потухшим значением слова он стремился (вслед за В. Гумбольдтом) воскресить его былое образное начало. Преимущественно весь ранний этап творческой деятельности Ф. И. Буслаева связан с изучением истории языка, где он стремился перенести методiku сравнительно-исторического анализа, давшую столь блестящие результаты в работах немецких ученых, на изучение русского языка и его истории. Большую статью посвящает Ф. И. Буслаев анализу словарного состава «Опыта областного великорусского словаря», изданного в 1852 г. Вторым отделением Императорской Академии наук. Выход в свет словаря местных слов рассматривался Буслаевым как дело национального значения, так как изучение областных наречий, которые составляют «древнейший период в отношении к литературному и образованному языку», ведет к познанию «основных начал нашей национальности, поскольку они содержатся в первоначальном организме языка». ⁴⁹

Областное слово, в отличие от литературного, в значительной степени сохраняет свою первоначальную образность, а потому оно неизбежно должно подчиняться тем же закономерностям, которые свойственны любому художественному произведению. «Как художественное произведение, слово подчиняется и законам логики; но как художественное же произведение, оно не исчерпывается ими вполне. Основное впечатление, проведенное по различным значениям слов, может быть оправдано и логически; но коренится оно на живом, непосредственном ощущении». ⁵⁰

⁴⁶ Буслаев Ф. И. Русская народная поэзия // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. М., 1861. Т. 1. С. 1.

⁴⁷ Пыпин А. Н. История русской этнографии. Т. II. С. 87.

⁴⁸ Буслаев Ф. И. Эпическая поэзия // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 1. С. 1.

⁴⁹ Буслаев Ф. И. Областные видоизменения русской народности // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 1. С. 157.

⁵⁰ Там же. С. 160.

Рассматривая образующее начало «в формации языка», Ф. И. Буслаев предостерегал против упрощенного понимания изложенных им приемов, действующих в языке. Он специально подчеркивал, что анализ раскрытия форм языка дается им с одной только целью — показать, что бесконечное множество подробностей не заслоняет цельности того основного начала, которое называется жизнью. «В наибольшей полноте и в совокупности своих действий, — писал Буслаев, — оказывается эта неуловимая для анализа сила языка в округленном сочетании слов, то есть в предложении, где наглядные представления, живописующие все, что есть в природе и жизни, умели неразрывно сочетаться с мельчайшими логическими отношениями мысли, выражаемыми с помощью суффиксов, флексий и тех однообразных и немногих форм, которые известны в грамматике под именем частей речи служебных».⁵¹

Творческие возможности языка оказались в представлении Буслаева неисчерпаемыми: «Логическое начало проводит в своих действиях закон необходимости; язык же пользуется полной свободой в применении корня слова к тому или другому впечатлению. На этой-то способности языка и основывается его неограниченное никакими пределами творчество, проявляющееся всегда новыми и свежими формами».⁵² Рассмотрение разнообразия и богатства художественных форм областных наречий утвердило Ф. И. Буслаева в мысли, что язык образуется *в неразрывной связи с народной поэзией*, не случайно поэтому сравнительный метод, столь важный в истории языка при исследовании древнейших фактов, был непосредственно перенесен им и на изучение основ народной поэзии. «Взаимное соприкосновение языка и народной поэзии свидетельствует нам об органическом, здоровом и свежем развитии этих обоих органов народного духа. Оба они исходили из общего источника, дышали одною жизнью, потому *каждое слово было поэтическим созданием*; потому и поэзия так легко умела облечься в самые свойственные ее природе формы, когда животрепещущее, вновь сложенное слово вылетало из уст певца в одушевленной импровизации, не как прикраса его бойкого слога, а как необходимое дополнение его мысли, как новая черта, которою художник довершает картину».⁵³

Таким образом сравнительный метод становится для Ф. И. Буслаева и основной наукой *о слоге*. Слово с живой внутренней формой в одинаковой степени может быть названо, с одной стороны, простым наименованием действия, предмета или его свойства, с другой — «формой эпического слога». Отсюда предмет исследования Ф. И. Буслаева в равной мере может быть определен и как открытие закономерностей в создании образного языка, и как изучение главнейших основ стилистики. Исходя из такого общего начала, исследователь «видит в словаре разрозненные члены одного органического целого, остатки той великой поэмы, которая еще во времена незапамятные, раздробясь на множество мелких эпизодов, была первым проявлением художественного творчества, имевшего предметом воссоздание всей природы и жизни в идеальных образах, облеченных в звуки».⁵⁴ Это художественное целое, задержавшееся «в свежем организме языка», имело характер эпический.

Любая из эпических форм отражала народное воззрение на мир человека, составляла единицу слога всего народа. Зарождение подобных эпических форм принадлежало эпохе доисторической и сопровождалось «образованием самого языка; так что каждой обычной эпической форме можно найти соответствие в грамматических и лексических свойствах языка». «*Потому-то*, — поясняет ученый, — наука о слоге основывается на сравнительно-историческом изучении языка».⁵⁵

⁵¹ Там же. С. 177.

⁵² Там же. С. 178.

⁵³ Там же. С. 209.

⁵⁴ Там же. С. 185.

⁵⁵ Буслаев Ф. И. Об эпических выражениях украинской поэзии // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 1. С. 230; см. также с. 210.

Рассмотренные выше основные положения в учении Ф. И. Буслаева об историческом соответствии языка и народной поэзии, как мы видим, весьма противоречивы. С открытиями, опередившими свое время, соседствует романтическое представление Буслаева об изначальности и единстве эпического периода.

Итак, по теории Ф. И. Буслаева, одна и та же сила способствовала зарождению как языка, так и мифов и народной поэзии. Именно поэтому «в самую раннюю эпоху своего бытия народ имеет уже все главнейшие *нравственные основы* своей национальности в языке и мифологии, которые стоят в теснейшей связи с поэзией, правом, с обычаями и нравами...». «Все эти национальные основы, — продолжает Буслаев, — уже глубоко вошли в его нравственное бытие, как самая жизнь, пережитая им в течение многих доисторических веков, как прошедшее, на котором твердо покоится настоящий порядок вещей и все будущее развитие жизни. Потому все нравственные идеи для народа эпохи первобытной составляют его освященное предание, великую родную старину, святой завет предков потомкам».⁵⁶ Именно к слову тянулись все «тончайшие нити родной старины», все то великое, на чем коренится нравственная жизнь народа. Слово оказалось главным и естественным толчком к созданию мифов и преданий. Язык был так сильно проникнут стариною, что любое «речение» способно было возбудить «в фантазии народа целый ряд представлений, в которые он облакал свои понятия». «Потому, — пишет Буслаев, — внешняя форма была существенной частью эпической мысли, с которой стояла она в таком нераздельном единстве, что даже возникала и образовывалась в одно и то же время. Составление отдельного слова зависело от *поверия*, и поверие, в свою очередь, поддерживалось словом, которому оно давало первоначальное происхождение. Столь очевидной, совершеннейшей гармонии идеи с формой история литературы нигде более указать не может».⁵⁷

Эти мысли Ф. И. Буслаева не были чистой декларацией, он дал прекрасные научные образцы конкретных исследований, подтверждающих правоту его идей. В этой связи очень интересно решается Ф. И. Буслаевым вопрос о том, каким образом сталкиваются «на многих пунктах народной жизни» язык одного индоевропейского племени и поверья другого. Ученый показал, что в основе преданий, общих, скажем, у славян и немцев, «лежит единство воззрений» обоих народов, следы этого первоначального единства до сих пор присутствуют в языке. Причем Ф. И. Буслаев специально подчеркивал, что не только немецкие и славянские предания, но и самые названия в языке развились самостоятельно.

Рассматривая старинное предание села Верхотишанки, Ф. И. Буслаев открывает такое соотношение языка с поверьями, при котором древнее предание доходит до нас в непонятной поговорке или же «в отдельном слове, которое употреблением в ежедневной речи, потеряв свой первоначальный колорит народного воззрения»,⁵⁸ и теперь еще изредка оказывается способным отозваться на то или иное старинное поверье, одновременно с которым в далеком прошлом и возникло это слово. Точно так же «собственное имя города или какого-нибудь урочища приводило на память целую сказку, сказка основывалась на предании, частью историческом, частью мифическом; миф одевался в поэтическую форму песни, песнь раздавалась на (...) пиру, свадьбе и даже на похоронах».⁵⁹

Тот же путь единства изучения языка и народной поэзии продемонстрирован Ф. И. Буслаевым и в его труде «Русский богатырский эпос», где, рассмотрев содержательную сторону русского героического эпоса в связи с этнографическими данными, ученый незаметно переходит к их внешней форме, то есть к слогу. Такой переход был для Ф. И. Буслаева закономерен, потому что «самая тесная связь между содержанием и языком составляет отличительное свойство народной эпической поэзии, которая зарождалась и развивалась вместе с зарождением и

⁵⁶ Буслаев Ф. И. Эпическая поэзия. С. 1.

⁵⁷ Там же. С. 7.

⁵⁸ Буслаев Ф. И. Языческие предания села Верхотишанки // Буслаев Ф. И. Исторические очерки народной словесности и искусства. Т. 1. С. 247.

⁵⁹ Буслаев Ф. И. Эпическая поэзия. С. 7.

установлением самых форм языка; так что иногда живое воззрение, проникнутое верованием, метко схваченное словом, служило семенем для целого мифа или сказания; иногда целое сказание сокращалось в краткую фразу, которую былина из века в век переносила в постоянном эпитете».⁶⁰

Эти мысли Ф. И. Буслаева послужили существенным толчком для дальнейших исследований, которые были осуществлены его учениками А. Н. Веселовским и А. А. Потебней.

Большое внимание в связи с общей теорией происхождения и дальнейшей судьбы поэтического языка уделялось Ф. И. Буслаевым вопросам *изобразительности* языка, которая составляет отличительное свойство не только поэтического, но и всякого языка «преимущественно в первобытную, эпическую эпоху, когда свежо чувствуется животрепещущее впечатление, которым слово неразрывно связывается с убеждениями, преданиями и со всем бытом народа».⁶¹ Чтобы представить себе изобразительность языка во всей яркости, Буслаев предлагает обратиться к наиболее отвлеченным формам, таким, которые имеют смысл только логического отношения понятий. Обращение к отвлеченным формам языка дает возможность проследить, какие именно усилия «употребляет язык, чтоб этим отвлеченным формам дать конкретное содержание или удержать его, если оно в них было первоначально».⁶²

К таким формам Буслаев относит прежде всего вспомогательные глаголы, в которых в основном и выражает язык «синтетическую силу мышления». Ф. И. Буслаев, говоря об изобразительности языка, очень подробно останавливается именно на судьбе вспомогательных глаголов, потому что отвлеченность их «доходит до последней степени логической формальности тогда, когда они употребляются в смысле окончаний глагольных, называемых спряжением», и делает вывод: «Несмотря на то, язык, как бы свидетельствуя о более конкретном происхождении этих глаголов, навсегда сохраняет на них следы первоначальной изобразительности».⁶³

Изобразительность языка происходит, по теории Ф. И. Буслаева, не от недостатка в словах и тем более не от ограниченности самосознания, но «от свежести воззрений на природу и от веры в тайное с нею общение человеческой души». Буслаев продолжает: «В слоге украшенном есть тропы только потому, что источник их глубоко проникает в образование самого языка; и только то украшение в слоге хорошо, которое согласно с первобытную, безыскусственную красотой форм языка. Когда яснее сознавалось представление, выраженное словом, тогда поэтическое украшение не только ближе подходило к воззрениям языка, но даже как бы развилось на них; потому-то древнейшая эпическая форма стоит в теснейшей связи с образованием слова».⁶⁴

В связи с этим и мифология видится Ф. И. Буслаеву не чем иным, как выражением в конкретных, зримых образах «народного сознания природы и духа». Мысль, нашедшая свое выражение в слове и образе, переживает века, потому-то «сколько бы народ ни отклонялся от своего первобытного состояния, пока он не утратит своего языка, до тех пор не погибнет в нем духовная жизнь его предков». Буслаев пишет: «Мысль, извне привитая к слову, никогда не осилит живого образа, в нем впервые воссозданного. И если народ силою своего умственного образования разовьет самостоятельно строгую мыслительность в пределах своего собственного языка, то это возможно не иначе, как только по глубокому и искреннему сочувствию, хотя и не всегда отчетливому, с теми представлениями, какие лежат в основе самого языка. Вместе с родным языком мы нечувствительно впитываем в себя все воззрения на жизнь, основанные на верованиях и обычаях,

⁶⁰ Буслаев Ф. И. Русский богатырский эпос // Буслаев Ф. И. Народная поэзия... С. 211.

⁶¹ Буслаев Ф. И. Областные видоизменения русской народности. С. 179.

⁶² Там же. С. 180.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Буслаев Ф. И. Мифологические предания о человеке и природе, сохранившиеся в языке и поэзии // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 1. С. 138.

в которых язык образовался; и как предания, донесшиеся до нас из отдаленных веков только в звуке, мифология народная долго будет жить в языке своей яркой изобразительностью и метким взглядом на природу».⁶⁵

Общая изобразительность языка имеет разные способы конкретного выражения. Современные учебники по теории литературы фиксируют, скажем, грань между синонимами и тропами как различными путями языковой выразительности, не останавливаясь при этом на объяснении исторического различия их происхождения. Этот вопрос, как правило, обходится молчанием, хотя в свое время в очень обобщенной форме такое историческое различие тропов и синонимов было дано Ф. И. Буслаевым, который рассматривал тропы в общем процессе образования языка в обратном отношении к синонимам. «Как тропы, так и синонимы оказались необходимым следствием того, что словом называется не предмет, а впечатление, производимое предметом на человека. Здесь возможны два случая: или один и тот же предмет различными свойствами и действиями производит различные впечатления и потому именуется различными словами, которые впоследствии были названы *синонимами*, или же различные предметы могли быть выражены одним и тем же словом, потому что произвели на душу одинаковое впечатление: такие слова в риторике известны под именем тропов».⁶⁶

Любая языковая форма и тропы, в частности, оказываются, по теории Ф. И. Буслаева, отнюдь не внешней формой, простым украшением, а необходимой ступенью в духовном развитии, «тем действием фантазии, которое, участвуя в создании языка, проявляется в верованиях и преданиях мифического периода».⁶⁷

Это определение имеет равное отношение как к метафоре, так и к метонимии, то есть к двум основным способам иносказаний, имеющим, по словам Ф. И. Буслаева, «обширнейшее применение в образовании языка». Начала иносказаний глубоко скрыты в основах языка. Метафора, например, оказывается в понимании Ф. И. Буслаева особым способом представления, который обязан своим происхождением не одному только свободному творчеству, но невольной *потребности* человека, потому что, давая умственным и нравственным понятиям осязательные образы, поэзия только продолжает некогда остановившееся дело языка. В эпоху образования языка и преданий «такая метафора была необходимой, существенной оболочкою языческих верований, олицетворявших душевные силы в образах вещественной природы. Действие народной фантазии в этом случае представляется исследователю в такой неразрешимой цельности, что он взял бы на себя большую ответственность, если б без точных доказательств, по одному умозрению, решился подчинить формы языка верованиям или, наоборот, верования — формам языка».⁶⁸

Как отражение определенных впечатлений, зафиксированных в языке, рассматривает Ф. И. Буслаев и начала метонимии: «... созерцая природу, человек приписывает ей качества и действия своих воззрений, не по подобию или метафоре, а по *врожденному своему стремлению сблизиться* с предметом наблюдения и познания, по свойству самого разума человеческого налагать отпечаток своей деятельности на всем том, чего коснется. Язык выражает это действие разума весьма просто, а именно: называет вещи не по тому, что они суть на самом деле, а по тому, *как они кажутся*».⁶⁹

Буслаев отмечал также, что метонимическое определение пространства и времени представляет собой очень важный момент в истории языка, поскольку одним из главнейших дел человека было научиться ориентироваться и осознавать себя в пространстве. Что же касается отвлеченных понятий о времени, то «можно сказать с большой определенностью, что они образуются в языке метонимически, от перенесения действия или событий, происходящих во времени, на самое вре-

⁶⁵ Там же. С. 149—150.

⁶⁶ Буслаев Ф. И. Областные видоизменения русской народности. С. 164—165.

⁶⁷ Там же. С. 168.

⁶⁸ Там же. С. 166.

⁶⁹ Там же. С. 168.

мя, — пишет Ф. И. Буслаев. — Это весьма естественно, ибо время мы чувствуем, понимаем и ценим только по тому, что в течение его свершается». ⁷⁰

В общую систему рассуждений Ф. И. Буслаева относительно происхождения и природы тропов попадают и его высказывания, связанные с пониманием уподоблений или параллельной связи между человеком и окружающей его природой: «Описывая внешнюю природу только в отношении к человеку, эпический поэт естественно давал ей значительное место в уподоблениях, которыми живое творческое воображение хочет представить нравственные понятия в осязательных образах, заимствованных из наблюдений над природою. Потому уподобления составляют не одно внешнее украшение слога, но существенную часть эпического взгляда на природу, которому в глубине и меткости уступают все описательные поэты позднейшей эпохи». ⁷¹ Именно эпические уподобления, в представлении Ф. И. Буслаева, соединяли в одно стройное целое и образ внешней природы, и душевное движение, ему соответствующее. Весьма вероятно, что эти мысли Буслаева и послужили толчком для А. Н. Веселовского к творческому развитию (как, впрочем, всегда и бывало у Веселовского) теории происхождения поэтических форм из «психологического параллелизма».

Значительной принадлежностью эпического рассказа, также вытекающей «из эпического воодушевления и взгляда на природу», ⁷² Ф. И. Буслаев считал эпитеты: «...художественный и собственно эпический характер придается языку способностью назвать предметы по эпитетам. Во взгляде на мир язык пользуется эпическим настроением, господствующим в первобытной народной поэзии, которая любит живописать природу постоянными эпитетами». ⁷³ Подробно анализирует Ф. И. Буслаев, как впоследствии и А. Н. Веселовский и А. А. Потебня, способность подновления эпитетом состарившихся признаков в слове.

Все эти отдельно взятые элементы эпической формы составляли в совокупности то необычайно устойчивое стилевое единство, следы которого, по представлению Ф. И. Буслаева, видны до сих пор в народной поэзии. Традиция эпического повествования сохраняется даже в том случае, если в определенном мотиве нет ничего мифического или символического, — там, где есть только «наивная игра безыскусственной фантазии, но все же фантазии *эпической*, воспитанной верою в чудесное и привыкшей беспристрастно смешивать действительность с миром реального». ⁷⁴

Ф. И. Буслаев утверждал, что, каковы бы ни были побудительные причины к созданию тех или иных образцов — будут ли они мифические, то есть основанные на старой памяти, будут ли они чисто фантастические, то есть уже не поддерживаемые древним верованием, — в любом случае перед нами «не холодная, отвлеченная аллегория, не случайная забава праздного воображения, а необходимая, *типическая форма*». ⁷⁵ Найти истоки тех или иных элементов этой эпической формы (например, олицетворения) представляет собой очень большую сложность, так как, к примеру, то же олицетворение служит в рамках эпического стиля проводником от мифа к внешнему поэтическому украшению и таким образом становится обычной эпической формой. Не случайно поэтому столь сложным оказывается во многих случаях решить вопрос: «мифическое ли верование дало начало иному олицетворению и обращению к реке как к существу живому, или же эпическое настроение фантазии, воспитанное чудесным, независимо от древнего верования, в своих причудливых образах бессознательно сходится с представлениями древнейших мифов, основанных на чествовании воды и рек». ⁷⁶ Очень интересно проанализированы в этой связи Буслаевым и источники эпических стилевых форм,

⁷⁰ Там же. С. 170.

⁷¹ Буслаев Ф. И. Эпическая поэзия. С. 70.

⁷² Там же. С. 73.

⁷³ Буслаев Ф. И. Областные видоизменения русской народности. С. 161.

⁷⁴ Буслаев Ф. И. Русский богатырский эпос. С. 187.

⁷⁵ Там же. С. 39.

⁷⁶ Там же. С. 36.

принадлежащих — вместе с языком, верованиями и преданиями — народной поэзии украинского народа.⁷⁷

Итак, подводя итоги рассуждениям Буслаева, связанным с его представлениями о языке народной поэзии, можно сделать следующие выводы.

Язык — один из основных хранителей глубочайшей древности, сохранившийся даже после утраты веры. Историческим документом древнейшего «периода убеждений и верований между народами индоевропейского поколения во всей своей первобытной свежести»⁷⁸ могут служить для нас Индийские Веды.

Язык произошел и развивался одновременно с народной поэзией — отсюда и истоки народной поэзии следует искать в доисторическом прошлом. «Народная поэзия русская, восходя своими началами к эпохе доисторической, и доселе носит на себе явственные признаки своего мифологического происхождения, как и вообще изустная поэзия всякого народа».⁷⁹

С утратой языческого верования *миф*, «как бы он ни был заманчив по своему поэтическому содержанию, уже перестает быть выражением и двигателем народного сознания». Буслаев поясняет: «Он только забавляет (<...> но не внушает к себе доверия и уважения, каким пользуется собственно богатырский эпос, имеющий предметом не богов, которым уже никто не верит и никто не поклоняется, а обыкновенных смертных, которые в идеальных типах богатырей становятся настоящими представителями народа».⁸⁰ Так, по мнению Ф. И. Буслаева, наступает переход народной поэзии в ее иное качество.

Мифологический процесс духовной жизни народа, в котором скрыты начала народной поэзии, был общим для всех индоевропейских народов. Однако эти мифологические истоки поэзии получили свое собственное развитие в каждом народе «вследствие большей или меньшей зрелости духовных сил народа, а также вследствие разных обстоятельств, местных и исторических, которые благоприятствовали свободному развитию дохристианских народных верований или задерживали его».⁸¹ Народная поэзия любого христианского народа должна была пройти, по теории Буслаева, через три основных периода: мифологический, смешанный и собственно христианский. Учение Ф. И. Буслаева о периодизации народной эпической поэзии оказалось своеобразной проверкой взглядов Гриммов, которая была осуществлена им на огромном фактическом материале. «До Буслаева у нас никто не привлекал в таком количестве разнообразных фактов, которые в большинстве случаев им же были установлены и извлечены из огромного ряда просмотренных им впервые рукописей. К тому же он превосходно владел западноевропейским материалом; он был не только единственным в России знатоком средневековой литературы, но и одним из лучших специалистов в Европе».⁸²

Ф. И. Буслаев на целой серии конкретных примеров (в основном взятых из эпоса), на материалах, часто впервые введенных им в научный оборот, показал, что каждый последующий период (то есть смешанный или христианский) никогда не бывает изолирован от предыдущего; развиваясь, он продолжает сохранять как сами мифологические представления, так и формы этих представлений, заимствуя их от прошлого. Отсюда вполне объяснимыми становятся и те разнообразные наслоения, которые присутствуют в произведениях народной поэзии. Кроме того, наличие следов разновременных и разнохарактерных наслоений объяснялось Буслаевым и тем, что общее индоевропейское начало получило в каждом народе свое самостоятельное развитие (при большей или меньшей сохранности единой основы).

⁷⁷ См.: Буслаев Ф. И. Об эпических выражениях украинской поэзии.

⁷⁸ Буслаев Ф. И. Русский быт и пословицы // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 1. С. 113.

⁷⁹ Буслаев Ф. И. О народной поэзии в древнерусской литературе // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. II. С. 3.

⁸⁰ Буслаев Ф. И. Русский богатырский эпос. С. 136.

⁸¹ Буслаев Ф. И. О народной поэзии в древнерусской литературе. С. 5.

⁸² Азадовский М. К. История русской фольклористики. Т. 2. С. 63.

«В народной поэзии, — писал Ф. И. Буслаев, — наглядно выражается то причудливое наслоение исторических следов разных времен и разных поколений, из которого органически слагается всякая народность, как это со всей подробностью анализирует Эдуард Тайлор в своем новом сочинении о первобытной культуре».⁸³ Именно поэтому основным правилом исторической критики Буслаев считал необходимость видеть в изучаемом явлении только то, что оно содержит, то есть от всякой эпохи следует «требовать только того, что она может дать, не навязывать позднейших понятий периоду древнейшему и вообще не искать в старине того, что привыкли мы видеть вокруг себя».⁸⁴

Распутать замысловатый клубок исторических наслоений, заключенных в произведениях народной поэзии, можно только с помощью сравнительно-исторического метода анализа. Ф. И. Буслаев впервые в русской науке применил этот метод к исследованию фольклора. «Сравнительно-историческое изучение языков индоевропейских убеждает нас с математической точностью, что все народы, на этих языках говорящие, то есть племена арийские — индусы и персы, племена фракийские — греки и римляне, племена кельтские, немецкие, литовские и славянские, первоначально имели общие основы народности в языке и мифологии в связи с важнейшими условиями народного быта. Ни один из языков этих народов не был праотцом для других, ни одна из мифологий этих народов не была источником для прочих. Все эти народы, содержа многое от первобытной старины в языке и мифологии, вместе с тем представляют и позднейшее подновление того и другого. Это позднейшее подновление в каждом народе совершалось по мере обособления его, то есть по мере развития самостоятельной, отдельной национальности каждого».⁸⁵ Теоретические построения Ф. И. Буслаева нашли свое конкретное воплощение при историческом анализе героического эпоса. Именно здесь, стремясь «выделить разнородные элементы из этой хаотической смеси», Буслаев начинает с рассмотрения наиболее простых, первоначальных основ народного эпоса в богатырских песнях: «Сборники Киреевского и Рыбникова предлагают богатый материал во множестве вариантов одной и той же былины. Надо распутать противоречия вариантов и один вариант дополнить другими, отличая первоначальное от позднейшей примеси».⁸⁶

Ф. И. Буслаев, таким образом, пришел к мысли о слоевом составе русского эпоса. Говоря об истоках тех или иных конкретных былинных образов, он противопоставлял свои взгляды догадкам О. Ф. Миллера о мифологическом происхождении тех же образов. «Мне кажется, — писал он, — более смелою догадка г. Миллера о туче с дождем, принявшей вид Соловья-разбойника, нежели моя, по которой в образе этого дивовища наслоился целый ряд преданий и поверий, сложившихся в одно целое вешего жреца Соловья (или Лыздейку) с каким-нибудь Дидиладом, божеством бортников-древолозов. Я не отвергаю мифа с стихийным значением, но указывая на возможность других, эпических бытовых слоев, которые уже в древнейшую эпоху должны были заслонить собою этот первоначальный миф».⁸⁷ Иными словами, Буслаев вовсе не отрицает, что в основе былинного эпоса лежит мифология природы, он только стремится довести до читателя мысль об *осложненной* ее природе. Осложнения первоначальной основы эпических образов объясняются, во-первых, тем, «что она приурочилась к известным географическим урочищам, и, во-вторых, тем, что народная годовщина очень рано была переведена на язык и понятия церковного календаря». Ученый заключает: «Это уже не просто мифология, а *двоеверие*, как и современная нам народная годовщина уже *двоеверная*. Может быть, когда-нибудь народ и усматривал в своем муромском богатыре

⁸³ Буслаев Ф. И. Сравнительное изучение народного быта и поэзии XI—XVI вв. // Русский вестник. 1873. № 4. С. 713.

⁸⁴ Там же. С. 713.

⁸⁵ Буслаев Ф. И. Древнейшие эпические предания славянских племен // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 1. С. 355.

⁸⁶ Буслаев Ф. И. Русский богатырский эпос. С. 215.

⁸⁷ Буслаев Ф. И. Бытовые слои русского эпоса // Буслаев Ф. И. Народная поэзия... С. 279.

некоторые черты первобытного Перуна, но уже под двучленной призмой Ильи-Громовника, и необозримые размеры стихийного мифа должны были сократиться в ту типическую личность, по которой калики переходящие поубавили силы как бы наполовину, чтобы сделать ее человекоподобною».⁸⁸

Мысли, высказанные Буслаевым о слоевом составе русского эпоса, об осложнении, которым подверглась начальная основа эпоса (мифология природы), были поддержаны и развиты А. Н. Веселовским.

Веселовский утверждал, что процесс *осложнения* как мифов, так и произведений народной поэзии неизбежен вследствие их совместного развития. В ходе исторического развития миф или сказка осложняются эпизодами, заимствованными из самых различных кругов представлений — отсюда и доходят до нас в своем *сводном* виде, составные части которых бывают спаяны случайно, по внешнему поводу. Таким образом, по мнению А. Н. Веселовского, должен быть изменен и метод конкретного исследования, который требует не сопоставления и поисков общего праисточника, а как раз наоборот — выделения того, что было в результате развития привлечено в них случайно. Творческое развитие мыслей Буслаева было возведено А. Н. Веселовским в стройную систему и вылилось в его теорию о «пластической силе» языка и мифа, об «основных» и «второстепенных» типах или формах.⁸⁹ Открытие А. Н. Веселовским особой «пластической силы», которая способна творить самостоятельно, независимо от древнего мифологического процесса, очень важно, так как приводит к созданию *нового метода* исследования фольклорных и средневековых явлений. А. Н. Веселовский считал необходимым объяснять жизненное явление «прежде всего из его времени и из той самой среды, в которой оно проявляется, и лишь тогда раздвигать границы сравнения, когда ближайшие условия не дают исследователю удовлетворительного ответа».⁹⁰

Ф. И. Буслаев, открыв для себя осложненный характер мифов, былин, тоже искал пути их конкретного исследования. Он понимал, что сложный комплекс исторических наслоений должен был быть с помощью сравнительно-исторического метода приведен в систему, — не случайно вопрос о *стадиальности* развития человечества на ранних ступенях его развития. Сравнительное изучение мифологии уже показало, что задолго до принятия христианства народы прошли определенные ступени своего духовного развития, главным и основным выражением которого была мифология в ее теснейшей связи с народной поэзией. С. А. Токарев, рассматривая вклад русских ученых в мировую этнографию, писал: «...единственно научным методом систематизации этнографического материала (...) является установление исторической последовательности стадий развития, исходящее из идеи единства и закономерности исторического процесса. Размещение отдельных народов, живых и древних, по стадиям единого исторического процесса — с учетом, разумеется, всех конкретно-исторических условий и особенностей в каждом отдельном случае — дает возможность превратить этнографическую науку в могучее орудие исторического познания».⁹¹

Проблема периодизации истории в связи с развитием народной поэзии решалась Ф. И. Буслаевым с передовых для своего времени позиций. Буслаев разделял мнение о том, что развитие каждого народа отражает определенную стадию прошлого всего человечества, причем необходимо учитывать, что «в отношении быта племенного и семейного дикари стоят на ступени древнейшей, нежели та, с которой разошлись из своей азиатской прародины народы индоевропейские».⁹²

⁸⁸ Там же. С. 279.

⁸⁹ См. об этом: *Веселовский А. Н.* Сравнительная мифология и ее метод // Веселовский А. Н. Собр. соч. М.; Л., 1938. Т. 16. С. 108, 115—118.

⁹⁰ *Веселовский А. Н.* Заметки и сомнения о сравнительном изучении средневекового эпоса // Там же. С. 16.

⁹¹ *Токарев С. А.* Вклад русских ученых в мировую этнографическую науку // Советская этнография. 1948. № 2. С. 195—198.

⁹² *Буслаев Ф. И.* Сравнительное изучение народного быта и поэзии XI—XVI вв. С. 716.

Проблема стадильности исторического развития народов во многом проливает свет на понимание *сходства мировых сюжетов*. Сходство сюжетов в мифологии и фольклоре разных народов Ф. И. Буслаев объяснял сходством *условий* в раннем развитии народного *быта*. Так, скажем, констатируя сходство одного из эпизодов об Илье Муромце с чужеземным, Буслаев отмечал, что оно основывается главным образом «на эпическом выражении одинаковых условий в раннем развитии народного быта». ⁹³ Буслаев предполагал также, что это сходство может рассматриваться даже как «сродство общечеловеческое, по которому родственны Илиада и финская Калевала», то есть «оба эпоса, воспевающие народную войну из-за красавицы, — соответственно римскому сказанию о похищении сабинянок или славянским обычаям похищать и с бою брать себе жен». ⁹⁴

Ф. И. Буслаев разделяет господствующую в то время точку зрения о том, что сходство основано *на общих законах развития человеческого духа*. Именно единые закономерности духовного развития индоевропейских народов дали самостоятельное развитие многочисленным общим сказочным сюжетам или отдельным мотивам. Художественная правда сказок пронеслась, таким образом, «на расстоянии веков по многим народам и племенам общим согласием в главных мотивах сказочного предания и не могла бы так твердо окрепнуть в национальности каждого». ⁹⁵ И при всем том само понимание существа и истоков народной сказочной литературы во многом было у Ф. И. Буслаева ошибочным.

Сказку он, например, считал обломком доисторической старины: «сказка содержит в себе древнейшие мифы, общие всем языкам индоевропейским; но эти мифы потеряли уже смысл в позднейших поколениях, обновленных различными историческими слияниями; потому сказка относительно позднейшего образа мыслей стала нелепостью, складкою, а не былью». ⁹⁶

Сказка в представлении Буслаева ведет свое начало от эпоса, иными словами, она представляет собой «не что иное как разрозненный и подновленный эпизод народного эпоса». ⁹⁷ Далее, сказка «есть не только уцелевший обломок мифической старины, но и позднейшая прозаическая форма, с которою народ нечувствительно выходит из замкнутого круга эпохи эпической на новое поприще, открываемое образованностью в успехах позднейшей лирики и прозы». ⁹⁸

Эти романтические представления не помешали, однако, Буслаеву сделать еще один правильный вывод относительно сходства мировых сюжетов, в том числе и сказочных. Сюжетное «сродство» Буслаев объяснял также действием *одинаковых законов логики* в мышлении всего человечества. Сходство преданий и верований тем заметнее, чем более мы мысленно удаляемся в старину, потому что именно в глубокой древности верования и предания не обросли еще своими национальными свойствами. На примере сравнительного изучения русских и древнегерманских заклятий Ф. И. Буслаев показал, что не заимствование, а одинаковые законы логики способствовали рождению идентичных мыслительных операций, одинаковых способов и форм выражения у разных народов. «Как в мышлении всего человечества, — писал Ф. И. Буслаев, — оказываются *одинаковые законы логики*, ⁹⁹ так и в чувствованиях и верованиях различных народов находится немало сходство, имеющее своим источником неизменные основные свойства души человеческой». ¹⁰⁰

Буслаев не просто отмечает различную сохранность общей индоевропейской основы в народном творчестве разных народов, но и пытается теоретически это

⁹³ Буслаев Ф. И. Русский богатырский эпос. С. 133.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Буслаев Ф. И. Славянские сказки // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 1. С. 309.

⁹⁶ Там же. С. 310.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Там же. С. 311.

⁹⁹ Ср.: Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М., 1930.

¹⁰⁰ Буслаев Ф. И. О сродстве одного русского заклятия с немецким, относящимся к эпохе языческой // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 1. С. 252.

обосновать. «Чем богаче и разнообразнее развила какая народность свои самобытные силы на древней основе индоевропейских зачатков, тем дальше отделилась от нее, определив себя наиболее оригинальными, индивидуальными чертами. Так было с мифологией классических народов, и преимущественно греков. Народы, менее богатые зачатками исторического развития, меньше выработали свою мифологию, свои обычаи и нравы и не далеко ушли от ранних преданий первобытной индоевропейской цивилизации, сохранившейся в языке, мифе и эпосе. Таковыми оказались славяне и литва».¹⁰¹ Таким образом, все индоевропейские народы имели общую мифологическую основу, но каждый народ этой семьи в силу определенных исторических условий по-своему сохранил первоначальные моменты единой и общей системы, потому-то недостаток одной мифологии (скажем, славянской) может быть восполнен другой (немецкой). Поскольку немецкая мифология представляет собой «полную и стройную систему, последовательно развившуюся из общих арийских зачатков и доведенную до самостоятельного целого, округленного индивидуальными чертами немецкой народности»,¹⁰² потому-то Буслаев считает возможным дополнить ею при необходимости то, что «смутно и неразвито оставалось в быте и верованиях славянских племен».¹⁰³ Таким образом, сближая эпизоды русских былин с близкими моментами, взятыми из северного мифологического эпоса, Ф. И. Буслаев вовсе не имел в виду мысль «о заимствовании из одной национальности в другую, ни даже о решительном сродстве, на чем бы оно ни основывалось». По мнению ученого, «эти сближения для науки важны потому только, что мелкими подробностями *дополняют* они и без того уже очевидное первобытное сродство между собою всех индоевропейских и особенно связанных так близко историческими и местными условиями, каковы славяне и немцы».¹⁰⁴ Это первый тип сближения. Буслаев сделал ряд конкретных наблюдений, которые показали, что нужно иметь в виду и сближения иного типа, позволяющие увидеть, каким образом общие, скажем, с славянскими мифологические и эпические начала прививаются на западной почве и какие они приносят «плоды в успехах городской жизни, в католических легендах и в высших произведениях искусственной поэзии».¹⁰⁵

Очень важно отметить, что, сопоставляя разнохарактерные материалы, говоря о любом типе сближений, Ф. И. Буслаев всегда решал для себя вопрос о *правомерности* выбранных им сопоставлений, так как прекрасно понимал, что внешнее сходство часто обманчиво и может привести к антинаучным выводам. Вот лишь некоторые примеры, показывающие, сколь осторожен и научно тактичен был Буслаев при рассмотрении им вопросов сходства сюжетов, вопросов перенесения и заимствования повестей. «Указав на отличие русского заклатья от древнемецкого, — писал Буслаев, — при всем их сходстве и родстве, мы должны решить следующие вопросы, весьма естественно рождающиеся при сличении русского произведения из позднейшей рукописи с немецким VIII столетия. Эти вопросы двух родов. Во-первых: имеем ли мы какое-нибудь право искать общих источников того и другого произведения? Не думаем ли русское поверие вести от немецкого, или наоборот?..»¹⁰⁶ и т. д. Или другой пример. При рассмотрении эпической поэзии Буслаеву приходилось проводить разного рода сопоставления: «Мы сближаем иногда Гомера и средневековые поэмы чужих народов с нашими песнями и сказками, но единственно для того, чтоб объяснить предмет рассуждения, не позволяя себе никаких выводов касательно взаимного отношения этих разнородных произведений».¹⁰⁷

¹⁰¹ Буслаев Ф. И. Следы славянских эпических преданий в немецкой мифологии // Буслаев Ф. И. Народная поэзия... С. 216.

¹⁰² Там же. С. 217.

¹⁰³ Там же. С. 216.

¹⁰⁴ Там же. С. 232.

¹⁰⁵ Там же. С. 244.

¹⁰⁶ Буслаев Ф. И. О сродстве одного русского заклатья с немецким, относящимся к эпохе языческой. С. 252.

¹⁰⁷ Буслаев Ф. И. Эпическая поэзия. С. 76.

Столь же осторожным оказался Буслаев и в отношении использования сравнительно-исторического метода. Последователь Я. Гримма, Р. Раска и В. Гумбольдта, Ф. И. Буслаев видел практически неограниченные возможности применения сравнительно-исторического метода в лингвистике. Он был первый и активный сторонник его применения к исследованию произведений народной словесности, но в то же время он видел ограниченность этого метода, когда речь шла об исследовании письменных памятников литературы или произведений народной поэзии неиндоевропейского происхождения: «Собственно сравнительный метод, основанный на мысли о первобытном сродстве индоевропейских народностей, так же мало может быть применен к этим произведениям романских племен, как к новеллам Боккачио или к Письмовнику Курганова».¹⁰⁸ Сопоставляя поэмы о Сиде с русскими былинами, Буслаев говорит об ином, не связанном с общей первоосновой сходстве. Это сходство может быть объяснено «единообразием в общих началах исторического развития».¹⁰⁹

Ф. М. Селиванов, рассматривая эволюцию взглядов Буслаева, связанную прежде всего с развитием эпоса, справедливо показал, что Буслаев наметил три основных вида сходства для эпосов различных народов, которые были обусловлены временем происхождения и «возрастом» произведения. Методы сравнительного изучения международного эпоса могут быть определены «как „сравнение историко-генетическое“ (по отношению к эпосу германских народов), сравнение историко-типологическое (по отношению к эпосу романских и славянских народов), сравнение, устанавливающее международные культурные взаимодействия, „влияния“ или „заимствования“ (по отношению к новеллам Боккачио и Письмовнику Курганова)».¹¹⁰

Эта осторожность в применении сравнительного метода к различным по своей сути фактам, эта градация в изучении эпоса различных народов показывает, как неоднозначно и широко мыслил Ф. И. Буслаев и как трудно в связи с этой широтой и нетрафаретностью взглядов причислить его к какой-либо одной из действующих в те годы школ.

Итак, главное, что характеризует труды Буслаева по изучению народной словесности, — это сравнительный метод исследования. Буслаев из русских ученых первым воспользовался им и дал массу сравнительных данных, «столь разнообразных, так мастерски подобранных, что они действительно освещают наш поэтический материал».¹¹¹ В цитированной рецензии на труд А. Н. Пыпина А. И. Соболевский говорит о том, что Ф. И. Буслаев усвоил основы метода Я. Гримма, но разработка этого метода была отлична и совершенно независима от Гримма. Различны были их исходные позиции.

Понятно, при такой эрудиции, «равной которой не было ни у одного из его сверстников, Буслаев не мог только повторять Гримма», как писал акад. А. И. Соболевский. «И действительно, усвоив мнение немецкого ученого о высокой ценности народного поэтического материала и главные основания его метода исследования, он в дальнейшем в разработке материала совершенно независим от Гримма. Воссоздание древней мифологии русского народа его занимает, но далеко не так сильно, как Гримма; он вовсе не мифолог по преимуществу, а исследователь народной поэзии, старой и новой, начиная от „Слова о полку Игореве“ и „Повести о Горе-Злочастии“ и кончая современными духовными стихами».¹¹²

Зависимость взглядов Буслаева от теории Гримма не может пониматься только в смысле подражания. Он сумел, по мнению М. Н. Сперанского, «не только понять, но и проникнуться вполне этими взглядами, чтобы дать им жизнь и развитие

¹⁰⁸ Буслаев Ф. И. Испанский народный эпос о Сиде // Буслаев Ф. И. Народная поэзия. С. 321.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Селиванов Ф. М. К вопросу об эволюции теоретических взглядов Ф. И. Буслаева: (К 150-летию со дня рождения) // Вестник Московского университета. 1968. № 2. С. 35.

¹¹¹ Соболевский А. И. История русской этнографии. Т. 1—2. А. Н. Пыпина. 1890—1891 // ЖМНП. 1891. Т. 273, № 2. С. 426.

¹¹² Там же. С. 424—425.

на русской почве».¹¹³ Кроме того, в отличие от Гримма Буслаев всегда отчетливо представлял значение книжных влияний и первым поставил вопрос о тесной связи народной поэзии с письменными памятниками. Буслаев всегда «оставался чужд тому характерному для Гримма возвеличиванию народной поэзии за счет художественной литературы, которое позволяло тому утверждать, что, например, все творчество Гете стоит ниже любой народной мифологии».¹¹⁴

Буслаев первым в русской науке поставил вопрос о взаимоотношении народной поэзии и древнерусской литературы, об участии народа в создании литературы. В речи, произнесенной в университете в 1859 г., он попытался устранить противоречия между письменным и устным творчеством: «...ничтожна была бы и наша литература, отказавшаяся от жизни, и того ничтожнее была бы народность, которая в течение многовекового существования нашей письменности не могла привиться к литературе и не умела стать с нею в уровень. (...) Признавая за всюю массою русского народа неоспоримое участие в истории русского права, в истории государственной и общественной жизни, в истории русской церкви, обыкновенно отказывают народу в его содействии к развитию собственно литературных идей, потому что привыкли думать, будто книжное учение в Древней Руси и процветание литературы в эпоху позднейшую есть область, совершенно чуждая общей жизни народных масс, есть частное дело немногих, сосредоточившихся в исключительной, им одним доступной сфере».¹¹⁵ Взаимосвязь устной поэтической традиции и книжной литературы Ф. И. Буслаев устанавливает в ряде статей, вошедших в его «Исторические очерки».¹¹⁶

Народные поэтические элементы, которые неизбежно должны были проникнуть в древнерусскую литературу, по мнению Буслаева, скорее всего и естественнее «могли слиться с „отреченными“ книгами, т. е. с сочинениями апокрифическими, в которых христианские понятия и предания перемешивались с народными суевериями и поэтическими вымыслами». В качестве примера такого видения Буслаев указывает на апокрифическую «Беседу трех святителей», занесенную к нам, очевидно, из Болгарии, но «в процессе бытования на русской почве получившую местный колорит и пустившую глубокие корни в древнерусской поэзии. Будучи тесно связана с народными суевериями, загадками, приметами и различными мифологическими воззрениями, она отразилась во многих народных песнях, сказках, изречениях и в свою очередь, вероятно, сама много заимствовала из этих народно-поэтических источников. Апокрифическая литература явилась одним из основных источников русских духовных стихов».¹¹⁷

В пору, когда Буслаев занялся вплотную вопросами взаимосвязи народной и книжной традиций, господствовало мнение, что письменная литература представляет собой течение, идущее «поверх общенародной жизни», освещающее эту жизнь, но никак ее не задевающее. «Из этой письменности опускалась на народную жизнь освежительная, но скоро высыхавшая роса, а по временам падали грозные обличения, но самый этот быт своими отношениями, повериями и чувствами не поднимался до высоты порядка, какой проводился в этой письменности. Так, например, в житиях русских святых история литературы черпала преимущественно образчики благочестия отдельных русских людей. В этой-то письменности, в чуде жития, в набожной легенде, в миниатюре, которою украшались поля рукописей, даже в ином назидательном сказании Буслаев стал находить мотивы и

¹¹³ Сперанский М. Н. Памяти Ф. И. Буслаева... С. 7.

¹¹⁴ Азадовский М. К. История русской фольклористики. Т. 2. С. 63—64.

¹¹⁵ Буслаев Ф. И. О народной поэзии и древнерусской литературе // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. II. С. 1—2.

¹¹⁶ «Русская поэзия XI века» и «Об эпических выражениях украинской поэзии...»; «Песни древней Эдды о Зигурде и Муромская легенда» (о повести о Петре и Февронии); «Смоленская легенда о св. Меркурии и ростовская о Петре царевиче Ордынском»; «Повесть о Горе-Злочастии» и др.

В I том «Исторических очерков» вошли исследования Буслаева по вопросам народной словесности и древнерусской литературы, во II томе в основном собраны его статьи по истории древнерусского искусства.

¹¹⁷ Гудзий Н. К. Изучение русской литературы в Московском университете. С. 16.

образы чисто народного происхождения, как в пословице, загадке и т. д. Многие главы первого тома его „Исторических очерков“ и весь второй том, носящий заглавие „Древнерусская народная литература и искусство“, посвящены изысканию этих народных мотивов и образов в древнерусской литературе. Можно сказать, что это — ряд монографий, дающих частичные ответы, прямые или косвенные, на один общий вопрос о влиянии народных поверий, мифов, понятий и обычаев на древнерусскую письменность. Оказалось, что течение, шедшее поверх старой русской жизни, не было совсем с ней разобщено, питалось и ее испарениями.

Так восстановлена была связь древнерусской письменности с ее туземными, народными источниками. В содействии этому делу состояла несомненная научная заслуга Буслаева, частью испытанная мною на самом себе», — писал В. О. Ключевский. «Я помню, — продолжает он, — как оживился интерес к древнерусской литературе, и я раскрывал древнерусскую рукопись с нетерпеливой надеждой найти в ней свежие следы древнерусского народного быта и мышления. Изучение древнерусской письменности оживилось потому, что расширилось и углубилось. В ней стали искать отражение не одних только идеалов, норм пришлого порядка, который водворялся на Руси и часто терпел неудачи, но и той среды, которая его медленно и не всегда понятиливо воспринимала. Таким образом, по этой письменности стали изучать совместную работу новых культурных влияний и старых туземных сил, которые перерабатывались теми влияниями в культурные средства. Разумеется, и изучение письменности тем самым осложнилось, сделалось труднее: ее стало необходимо изучать в неразрывной связи и с народным бытом и мышлением».¹¹⁸

Ф. И. Буслаев первым в России в своих исследованиях привлек огромный фактический материал, который извлекался им, как правило, из многочисленных рукописей. До Буслаева у нас никто не привлекал «в таком количестве разнообразных фактов, которые в большинстве случаев им же были установлены и извлечены из огромного ряда просмотренных им впервые рукописей. К тому же он превосходно владел западноевропейским материалом; он был не только единственным в России знатоком средневековой литературы, но и одним из лучших специалистов в Европе».¹¹⁹

Вклад Буслаева в изучение русской литературы огромен, так как он впервые в русской филологии ввел в научный оборот значительное количество письменных памятников, о которых до него не было известно. В течение тридцати лет, начиная с 1850-х гг., Ф. И. Буслаев собирал древние и средневековые рукописные книги. Его собрание насчитывало 150 рукописных книг. Приобретая каждую новую книгу, Буслаев указывал ее время и место приобретения. Большая часть записей датирована 1858—1879 гг., есть записи, датированные и 1868, 1879 гг. Что же касается указания на место приобретения рукописи, то в записях чаще всего упоминаются Москва и Кунцево. В воспоминаниях Буслаев пишет: «Я покупал их за бесценку на Толкучем рынке у Пискарева и на Варварке в Кожевенном ряду у старика Большакова, который в своей лавке, при опойковом и подошвенном товаре, торговал и древними рукописями, а также старопечатными книгами».¹²⁰ Иногда рукописи дарили Буслаеву. Известно о подаренной Буслаеву рукописной книге «Житие Ефросинии Суздальской» (конец XVIII в.), рукописи первой половины XVIII в. — рукописном сборнике «Слово о прельщении от бесов отрока». В собрании Буслаева были рукописи, переписанные для него писцами и студентами с подлинников из Румянцевского музея и Синодальной библиотеки. Рукописные книги, собранные Буслаевым, представлены по содержанию историческими материалами, литературными произведениями, памятниками древнерусской письменности, сборниками смешанного содержания, материалами учебного

¹¹⁸ Ключевский В. О. Ф. И. Буслаев как преподаватель и исследователь // Литературные портреты. М., 1991. С. 210—211.

¹¹⁹ Азадовский М. К. История русской фольклористики. Т. 2. С. 63.

¹²⁰ Довгалло Г. И. Ф. И. Буслаев — собиратель рукописных книг // Русская речь. 1975. № 1. Январь/февраль. С. 112, 113, 114.

и естественнонаучного характера, нотными рукописями. В его собрании оказались и книги Священного Писания, богослужебные рукописи, богословская и житийная литература.

В 1861 г. им была издана «Историческая хрестоматия», в которую вошли тексты из многих древних рукописей собрания Буслаева и рукописей московских библиотек. В работе «Русский лицевой Апокалипсис» опубликован ряд списков Апокалипсиса из собрания Буслаева.

Ф. И. Буслаев не только заложил основы исторического изучения русского языка и установил связь родного языка с другими индоевропейскими языками, но и поднял вопрос об объеме древней русской литературы и ее органической связи с народной культурой, показал историческую связь между языком письменных памятников и живыми говорами.

В рецензии на «Опыт областного великорусского словаря»¹²¹ и в заметке по поводу издания «Словаря областных речений великорусского наречия»¹²² Буслаев говорит о значении изучения русских говоров, их богатства и разнообразия. «Поскольку областные наречия представляют собой более древний период, то они сохранили в большей чистоте строй русского языка, и их изучение ведет к познанию основных начал русской народности, народных обычаев, обрядов и суеверий».¹²³

В статье «Русская поэзия XVII века»¹²⁴ Буслаев обращает особое внимание на житийную литературу и повести о местных святынях земли Русской. Он дает культурно-исторический анализ житий и одновременно поднимает вопрос о необходимости изучения памятников древнерусской литературы и народной словесности с учетом отражения в них тех особенностей, которые определились местными, областными условиями развития русской истории. Первоначально, указывает Буслаев, не было литературы общерусской, а существовали предания, сказания или песни киевские, новгородские, муромские, рязанские, ростовские, смоленские и т. д. Даже Москва, унаследовавшая суздальские и владимирские предания, сперва выступает в литературе со своими местными интересами и лишь впоследствии, с половины XVI в., начинает поглощать областные проявления других старых городов. Наличие областнических тенденций в древнерусской литературе отмечается Буслаевым и в его статье «Идеальные женские характеры Древней Руси», материалом для которой послужили муромские предания и сказания.

В лекциях из курса истории русской литературы, прочитанных в 1860/61 академическом году, где особое внимание следует обратить на лекцию «Местные сказания владимирские, московские и новгородские»,¹²⁵ Ф. И. Буслаев впервые на конкретном материале показал необходимость принять во внимание областной характер развития древней русской литературы. Это положение было ново и продуктивно для дальнейшего изучения как собственно памятников древнерусской литературы, так и истории народности и старины в самом широком смысле этого слова.

¹²¹ Буслаев Ф. И. Опыт областного великорусского словаря, изданного Вторым отделением Академии наук: [Рец.] // Отечественные записки. 1852. Т. 85. Ноябрь. С. 1—54.

¹²² Буслаев Ф. И. Словарь областных речений великорусского наречия // Изв. Имп. Академии наук по Отделению русского языка и словесности. 1852. Т. 1, вып. 4. Стб. 167—177.

¹²³ Смирнов С. В. Федор Иванович Буслаев. С. 36.

¹²⁴ Буслаев Ф. И. Русская поэзия XVII в. // Исторические очерки. Т. I. С. 471 и сл. См. также статью: Памятники древнерусской духовной письменности (по поводу журнала «Православный собеседник» при Казанской духовной академии. 1858 г.) // Исторические очерки. Т. II. С. 97—132.

¹²⁵ Лекции 1860—1861 гг. см.: Летописи русской литературы и древности. М., 1859—1860. Т. III. С. 63—88; 1862. Т. IV. С. 3—24. «Будучи принципиально прав в своей исходной точке зрения, Буслаев, однако, не принимает в расчет того, что при наличии в Древней Руси центростремительных тенденций, способствовавших обособлению отдельных русских областей, одновременно настойчиво заявляли о себе и тенденции центробежные, являвшиеся результатом никогда не замиравшего в Древней Руси сознания кровного родства всех русских людей, независимо от их областной принадлежности, — обстоятельство, на которое позднее указывали Тихонравов и в особенности Чернышевский. Кроме того, в первой из указанных статей Буслаев необоснованно принижает литературу и культуру Москвы XIV—XV вв. по сравнению с литературой и культурой Великого Новгорода» (Гудзий Н. К. Изучение русской литературы в Московском университете. С. 21—22).

В 1860-х гг. Буслаев публикует ряд статей: «О русских народных книгах и лубочных изданиях» (статья написана по поводу книги И. М. Снегирева «Лубочные картинки русского народа в московском мире»),¹²⁶ «Судьба женщины в народных книгах»¹²⁷ и др., где речь идет о взаимосвязи книжного текста и сопровождающих этот текст иллюстраций.

Итак, постоянно расширяя круг материалов своего исследования, Ф. И. Буслаев пришел к изучению древнерусского искусства. В нашем старинном искусстве «проявлялось, отражалось мировоззрение народа: на картинке изображалось наглядно то, о чем рассказывал, во что верил народ в своих устных преданиях; иногда чужая, заимствованная миниатюра понималась народом сообразно старым его верованиям, объяснялась им по-своему, отражая и влияя на его устные и письменные сказания; иногда народное мировоззрение переносилось на картинку, обуславливая ее детали, композицию», передает мысль Буслаева Сперанский. «Изучение этого материала необходимо было для полного по возможности понимания нашей старины, а затем через это понимание старины направлялся путь к уразумению народности, поскольку она в этой старине отразилась. Такой, приблизительно, общий путь вел Буслаева к изучению истории русского искусства, а особенная любовь к искусству вообще, умение вдумываться в его памятники, умение их заставить высказаться давно уже были у Буслаева: первое путешествие в Италию, под руководством графа Строганова, давно уже подготовило Буслаева к изучению искусства не дилетантскому, а научному».¹²⁸ Поначалу цели Буслаева были весьма ограничены: понять, «дошифровать», пересказать то, что можно было увидеть в миниатюре, отметить ее историю и тем самым объяснить неясные дотоле нюансы памятника литературы. Но постепенно область русского искусства начинает занимать его как самостоятельный предмет изучения. Так постепенно «создается под пером Буслаева история русского искусства: те же идеи, история народности составляют ее исходную точку: как и история литературы, быта, так и история искусства суть части истории народности», продолжает Сперанский. «Эта новая область все более и более привлекает Буслаева, все больше и больше он ею занимается; все реже и реже отрывается он от области искусства, наконец, всецело посвящает себя изучению древнерусского искусства. Это случилось к половине 70-х годов».¹²⁹

Крупнейшие труды Буслаева по истории русского искусства — «Образцы письма и украшений из Псалтыри с воследованием по рукописи XV в.»¹³⁰ и «Русский лицевой Апокалипсис»¹³¹ — принесли ему международную славу. Сочинение «Образцы из Псалтыри» было оценено В. В. Стасовым как исследование в высшей степени самостоятельное и новое и по материалу, и по своим выводам. Профессор Буслаев рассматривает здесь орнаментику древних рукописей наших «с такою подробностью и глубокой внимательностью относительно значения и коренного происхождения всех деталей ее и составных частей, как это делали до сих пор лишь редкие из западных ученых по отношению к средневековым европейским рукописям, — писал Стасов. — И если автор достигал здесь крупных, иногда, можно

¹²⁶ Буслаев Ф. И. О русских народных книгах и лубочных изданиях // Отечественные записки. 1861. № 9, Отд. III. С. 1—68.

¹²⁷ Буслаев Ф. И. Судьба женщины в народных книгах // Библиотека для чтения. 1864. Т. 182, № 3. С. 1—30. То же // Мои досуги: Собранные из периодических изданий мелкие сочинения Федора Буслаева. М., 1886. Ч. II. С. 24—69.

¹²⁸ Сперанский М. Н. Памяти Ф. И. Буслаева... С. 12—13.

¹²⁹ Там же. С. 14. См. также: Буслаев Ф. И. Предисловие к книге: Узоры старинного шитья в России: Собранные и изданные книжкою С. Н. Шаховского. М., 1885. Вып. I. С. 1—6.

¹³⁰ Буслаев Ф. И. Введение к изданию «Факсимиле из Следованной Псалтыри XV века»: Образцы письма и украшений из Псалтыри с воследованием по рукописи XV века, хранящейся в библиотеке Троице-Сергиевской лавры под № 308 (481). СПб., 1881. 79 с. + 60 таблиц. То же // Буслаев Ф. И. Сочинения. СПб., 1908. Т. I: Сочинения по археологии и истории искусства; СПб., 1910. Т. II: Сочинения по археологии и истории искусства: Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Л., 1930. Т. III: Сочинения по археологии и истории искусства.

¹³¹ Буслаев Ф. И. Русский лицевой Апокалипсис: Свод изображений из лицевых Апокалипсисов по рукописям с XVI по XIX в. М., 1884.

сказать, поразительных результатов, то этим он обязан, конечно, ранее всего своей способности, а во-вторых, тому, что в его лице соединяются отличный русский филолог и вместе с тем отличный знаток древнего русского искусства».¹³²

Профессор Кондаков, ученик Ф. И. Буслаева, крупный специалист в области истории русского искусства, так определил значение «Русского лицевого Апокалипсиса»: «...основатель науки русской народности (Ф. И. Буслаев) уже давно и один из первых своими исследованиями по символике и мифологии древнерусского искусства положил основание его историческому исследованию. Теперь, не довольствуясь общим методологическим построением науки, он возводит одно из ее главных зданий, и если прежде научность доводов и глубина высоких мыслей, присущие исследованиям автора по народному искусству, лишь намечали тот путь, по которому его наука должна направиться, то теперь капитальный труд наставника наших исследователей отечественной древности дает им в руки образец для их последующих трудов и прочное основание будущему зданию науки».¹³³

Сам Ф. И. Буслаев видел значение своего труда в тщательном критическом собирании и описании материала. Но, как справедливо отметил проф. М. Н. Сперанский, значение «Русского лицевого Апокалипсиса» куда более весомо. Это было первое в России столь обширное исследование иконографии Апокалипсиса, которое вводило читателя «в дух и приемы древнего русского искусства, связывая его с искусством византийским, древнехристианским и западным: в этом введении и раскрывается метод сравнительно-исторический, показываются зачатки апокалипсической иконографии в искусстве древнехристианском, византийском, западном, указываются те основания, на которых построена критическая сторона самого исследования».¹³⁴ Буслаев проводит сравнительный анализ иллюстраций Апокалипсиса у нас и на Западе (в западной науке в то время исследования в этой конкретной области искусства были еще лишены строгого научного фонда), указывает различие между иконой и миниатюрой, определяет состав иллюстраций, вошедших в этот цикл, ставит в связь миниатюру и литературный памятник (в данном случае Священное Писание), определяет место предания, «прочитанного» в картине. То есть «Русский лицевой Апокалипсис» стал той основой, на которой можно строить историю русского искусства.

«Этот труд — такой же краеугольный камень для истории искусства, как и другие труды Буслаева по старине и народности для историка литературы: с него начинается разработка новой науки».¹³⁵

Попытаемся подвести некоторые итоги, чтобы подчеркнуть то оригинальное, значительное и новое, что внес Ф. И. Буслаев в изучение отечественной филологии.

В вопросах преподавания родного языка Ф. И. Буслаев во многом руководствовался положениями немецкого педагога Дистервега, но в итоге пошел значительно дальше своего предшественника. Ф. И. Буслаев понимал, что самый легкий и самый естественный ход преподавания состоит «в извлечении неизвестного из известного и в постоянном присовокуплении неизвестного к известному, потому в отечественном языке надобно начать с органического целого, то есть с предложения», — так излагает педагогические взгляды ученого В. Воскресенский. «Части же его, до самых простейших стихий, коими заключается процесс раздробления, могут быть найдены только путем анализа (...) За анализом должен следовать синтез — приложение сознательно усвоенного знания на практике. Вообще же всегда

¹³² Стасов В. В. [Рецензия на труд Ф. И. Буслаева: Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени] // ЖМНП. 1884. №. 233. Май. С. 54—104; Буслаев Ф. И. Исторические очерки по русскому орнаменту в рукописях. Пг., 1917.

¹³³ ЖМНП. 1885. Вып. VII. С. 111.

¹³⁴ Сперанский М. Н. Памяти Ф. И. Буслаева... С. 17.

¹³⁵ Там же. С. 19, 20.

следует соединить внешнее с внутренним, форму с содержанием».¹³⁶ Таким образом, без видимой системы, однако «систематически и методически» ученик оказывался готовым к изучению грамматики как науки. Иными словами, «Краткое руководство» Буслаева отличалось от современных ему учебных пособий задачами, средствами, материалом и методом изучения отечественного языка.

Открыв подлинный смысл изучения народного и старого языка, «связав историю нашего языка с историей говорящего на нем народа, указав метод изучения языка и дав нам интересную грамматику, Буслаев к концу 50-х годов является самым крупным представителем науки о русском языке своего времени».¹³⁷ И до работ Буслаева встречались исторические объяснения языковых явлений, но Буслаев впервые применил их ко всем сторонам языковой системы. В качестве фактического материала он «привлек старославянский язык, древнерусский, современные диалекты, язык художественной литературы, другие родственные языки. Все это помогло ему внести значительный вклад в историческое изучение русского языка».¹³⁸

Имя Ф. И. Буслаева уже при его жизни стало «почетным историческим именем».¹³⁹ Он был новатором в любой из областей знаний, к которой прикасалось его перо. Редко деятельность ученого бывает «в такой степени вся проникнута одним общим настроением, и редко это настроение бывает в такой степени одушевлено возвышенным идеализмом, в котором народолюбие подкрепляется благородными внушениями науки».¹⁴⁰ Свои труды по народной словесности сам Ф. И. Буслаев скромно рассматривал только как материал «для истории науки по изучению старины и народности».¹⁴¹ Но в данном случае, если это и был «материал», то очень значительный и важный материал, в разработке которого нельзя не оценить «великую историческую заслугу» Буслаева. Если установились новые точки зрения, которые привели к новому методу исследования,¹⁴² то остается «в высокой степени важен первый толчок и первые опыты исследования, до тех пор в нашей литературе невиданные и неизвестные», как писал А. Н. Пыпин. «В этом научном отношении заслуга г. Буслаева наглядно обнаруживается чрезвычайным расширением исследований по русской старине и народности частью в том самом направлении, частью в направлениях соседних, где опять влияние его указаний и примера было несомненно. На первый раз существенно важно было то, что исследование народно-поэтической старины поставлено было как целая научная теория: каковы бы ни были потом новые взгляды, исследование уже не сходило и не могло сойти с научного пути; тот произвол и случайность, которые в прежнее время играли такую большую роль в объяснении старины, уже не могли иметь места; они были осуждены впредь. Но кроме научной стороны была в труде г. Буслаева другая сторона — общественно-нравственная».¹⁴³ Взгляды Буслаева были несколько сложны, но, во всяком случае в нашей литературе, стали «оригинальной новостью».

В статье «Сравнительное изучение народного быта и поэзии» Ф. И. Буслаев писал: «Нашему времени принадлежит великая заслуга оценить по достоинству скромную деятельность народных масс, вызвать из прошедшего целые периоды духовного развития, не отмеченные ни одним заметным именем выдающейся из сплошной среды личности. Наука и нравственное чувство слились вместе в этом подвиге высокой гуманности (...) Признание высоких поэтических достоинств за

¹³⁶ Воскресенский В. О «Кратком руководстве к первоначальному преподаванию русского языка» Ф. И. Буслаева // Четыре речи о Ф. И. Буслаеве, читанные на заседании Отдела Коменского 21 января 1898 г. СПб., 1898. С. 32.

¹³⁷ Будде Е. О заслугах Буслаева как ученого-лингвиста и преподавателя // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 1898. Т. XIV, вып. IV. С. 418.

¹³⁸ Смирнов С. В. Ф. И. Буслаев — ученый и педагог // Русская речь. 1984. Май—июнь. С. 67.

¹³⁹ Пыпин А. Н. История русской этнографии. СПб., 1894. Т. II. С. 75.

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ Буслаев Ф. И. Народная поэзия. СПб., 1887. Предисловие.

¹⁴² Речь идет о теории взаимного международного общения, которая пришла на смену учению о самобытности народных основ мифологии и народной поэзии.

¹⁴³ Пыпин А. Н. История русской этнографии. Т. II. С. 106—107.

простонародными песнями и сказками было столь же подвигом великодушного самоотвержения со стороны цивилизованного общества, сколько и знаком зрелости эстетического вкуса, сказавшегося в пользу простоты и естественности (...) При таком взгляде уравниваются в своих достоинствах все народности, к какой бы породе они ни принадлежали и на какой бы степени цивилизации ни стояли...»¹⁴⁴

Буслаев, обладавший чувством «поэтического достоинства и изящества»,¹⁴⁵ придавал громадное значение эстетической стороне народной словесности. Как никакой другой исследователь он умел вскрыть художественные стороны русской народной поэзии. В этом отношении особо важна его статья о славянских народных сказках, где он намечает основные принципы народной эстетики.¹⁴⁶

Зависимость былин или образной системы жанра от мифологии в той или иной степени, которая широко муссировалась в русской фольклористике в 50—60-х гг. XX в., впервые была признана в трудах Ф. И. Буслаева. Термин «исторический» «как определение научного направления в фольклористике имеет несколько иной смысл, нежели в языкознании», как пишет Ф. М. Селиванов. «Тем не менее Буслаева можно назвать сторонником исторического изучения былин. „Историчность“ Буслаева проявилась в „Русском богатырском эпосе“ и особенно в статьях „Отзыв о сочинении В. Стасова „Происхождение русских былин“ (1869), „Бытовые слои русского эпоса“ (1871), „Сравнительное изучение русского быта и поэзии“».¹⁴⁷ Но при этом необходимо помнить, что понятие «эпическая поэзия» Ф. И. Буслаевым трактовалось исключительно широко: «Эпическая поэзия — во всем ее обширном значении — это вся национальность какого-нибудь народа, воспроизведенная в художественную форму слова; и так же невозможно во всей точности определить зарождение и органическое возрастание эпической поэзии, как и в самой народности. И та и другая возникают из таинственной глубины духа народного, как язык, которым народ говорит, или как возникают из недр земли растения, и как вообще зачинается, сокровенно от наблюдателя, всякая жизнь в природе, и духовной и физической».¹⁴⁸

Несомненной заслугой Ф. И. Буслаева было восстановление связей между устной словесностью и письменной литературой. История литературы из критико-библиографического обзора отдельных памятников письменности без внутренней связи превратилась у Буслаева в изображение течений литературного творчества с указанием их народных источников, «картину стройного и последовательного

¹⁴⁴ Буслаев Ф. И. Сравнительное изучение народного быта и поэзии // Русский вестник. 1872. Т. 101, № 10. С. 651.

¹⁴⁵ Пытин А. Н. История русской этнографии. Т. II. С. 85.

¹⁴⁶ См.: Буслаев Ф. И. Славянские сказки // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. I. С. 352, 592, 593 и др.

¹⁴⁷ Селиванов Ф. М. К вопросу об эволюции теоретических взглядов Ф. И. Буслаева // Вестник Московского университета. Сер. 10. Филология. 1968. № 2. С. 33. В той же статье Ф. М. Селиванов пишет, что из мифологических толкований Буслаева «оказались неприемлемыми характеристика Микулы Селяниновича как „мифического пахаря“ (хотя при анализе былины о Вольге и Микуле Буслаев высказал очень интересные соображения) и возведение эпического образа Ильи Муромца к славянскому языческому божеству Перуну». «Однако, — продолжает исследователь, — следует подчеркнуть, что в живом бытовании устного творчества Буслаев не придавал существенного значения древней мифологии. Когда-то народ, может быть, и усматривал в Илье Перуна, указывая ученый, а в былинах Илья уже превратился в „типическую личность“, стал одним из идеальных типов, которые были „настоящими представителями народа, образцами всего, что почитает он в себе доблестным и достойным всякого уважения“. Таким образом, основной состав былин (об Илье, Добрыне, Алеше, Дюке, Чуриле, Ставре, Васье Буслаеве и др.) получил историческое приурочение и истолкование. Все эти богатыри, кроме Ильи, „не помнят своих родственных связей с мифическими предками“» (Там же. С. 32. Здесь цитируются выдержки из кн. Ф. И. Буслаева «Народная поэзия». С. 256, 136).

¹⁴⁸ Буслаев Ф. И. Повесть о Горе-Злочастии // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. I. С. 576—597.

развития народного духа и быта, насколько тот и другой отразился в памятниках устной и письменной словесности, и не только словесности, но и искусства», как писал В. О. Ключевский. «Для восстановления этой связи устной словесности и письменной Буслаев предпринял неутомимое и широкое изучение обильного рукописного запаса, какой накопился в наших древлехранилищах: частных и общественных, и какой он сам мог найти на рынке старых книг и рукописей».¹⁴⁹

Вспоминая своего учителя, проф. М. Н. Сперанский писал: «...мы утратили (в Ф. И. Буслаеве) редкого по чистоте типа ученого, редкого по долговечности работника, редкого по душевным свойствам человека сороковых годов: идеалист, впечатлительный, отзывчивый на все хорошее, замечательно деликатный и ласковый к людям, рыцарски благородный в столкновениях с ними, — таким остался Федор Иванович до последних дней своих. Слушая его воодушевленную речь об Италии, ее искусстве и памятниках, или о средневековом романе, или русской благочестивой легенде, слушатель совершенно забывал, что перед ним не юноша, а глубокий старец, глубоко понимающий и глубоко чувствующий, и потому так восторженно повествующий о красотах Италии, о древнехристианских памятниках, о средневековой легенде».¹⁵⁰

Мастер художественного слова, Ф. И. Буслаев обладал выдающейся эстетической восприимчивостью, громадной эрудицией в области эстетики, что «позволило ему стать подлинным новатором в его настойчивых сближениях и сопоставлениях словесного и живописного искусства, чем так отличаются его позднейшие работы, вплоть до завершающего монументального труда «Русский лицевой Апокалипсис».¹⁵¹

Много писали о том, что Ф. И. Буслаев еще при жизни уступил дорогу своим ученикам. Наука развивалась, менялись литературные направления, что-то неизбежно устаревало, но не устарел пафос научных исканий Ф. И. Буслаева, не устарело и богатство фактического материала, содержащееся в его трудах, не устарела и широта обобщающей мысли, доступная ученому. «Поучительной для всякого словесника, — писал Н. К. Гудзий, — остается высокохудожественная форма, в которую облекал Буслаев свои исследования о произведениях словесного и изобразительного искусства».¹⁵²

При безусловном понимании своей просветительской мысли, при огромных эрудиции и таланте он был совершенно «свободен от ученой гордости и педантизма и отличался поразительной скромностью, гуманностью и терпимостью (...) на университетскую молодежь смотрел не только как на объект своей деятельности, а как на семью свою, как на дорогих товарищей, любовь которых нечестно заискивать лестью и потворством, но необходимо приобретать прямою, сердечным участием и готовностью жертвовать личными интересами на пользу общую», вспоминал А. И. Кирпичников. «Трудно, почти невозможно многочисленным ученикам Буслаева, рассеянным по всему лицу земли Русской, подражать Буслаеву-ученому, этому богатырю науки. Но они нравственно обязаны подражать Буслаеву-профессору в его горячей любви к делу и к молодежи, в его готовности полагать „душу свою за други своя“».¹⁵³

¹⁴⁹ Ключевский В. О. Ф. И. Буслаев как преподаватель и исследователь // Ключевский В. О. Литературные портреты. М., 1991. С. 208, 209.

¹⁵⁰ Сперанский М. Н. Памяти Ф. И. Буслаева... С. 22.

¹⁵¹ Гудзий Н. К. Изучение русской литературы в Московском университете. С. 20.

Ф. И. Буслаев в ряде своих работ говорил о необходимости историку литературы и искусствоведу руководствоваться в изучении материала историко-филологической и эстетической критикой. «Стоит обратить внимание хотя бы на такие его статьи, как „Песни древней Эдды и Муромская легенда“, „Русская поэзия XVII века“, „Повесть о Горе-Злочастии“, „Смоленская легенда о св. Меркурии и ростовская о Петре царевиче Ордынском“, „Идеальные женские характеры Древней Руси“, „Русская эстетика XVII века“ (все они вошли в «Исторические очерки русской словесности и искусства»), чтобы убедиться в том, с каким умением и мастерством подходил Буслаев к широкой эстетической оценке памятников литературы и искусства» (там же).

¹⁵² Там же. С. 29.

¹⁵³ Кирпичников А. И. Буслаев как идеальный профессор 60-х годов. С. 195.

Про Буслаева можно сказать, как утверждал младший ученик Ф. И. Буслаева А. А. Шахматов, что он весь отдавался науке: «...сила ума и воображения, точный анализ и блестящая гипотеза, мечта и глубокое знание, наука и поэзия — все это одинаково является достоянием трудов Буслаева. Такой человек более, чем кто-либо другой, был способен заложить основание новой науки, начертав предварительно план всего здания, наметив таким образом пути, по которым должны идти работы будущих ученых поколений».¹⁵⁴

А его многочисленные ученики строили это здание как единое, хотя шли они в науке разными путями. Научная школа Буслаева ознаменовала небывалый расцвет и снискала мировое признание русской филологической науки конца XIX — начала XX в.

¹⁵⁴ Шахматов А. А. Буслаев как основатель исторического изучения русского языка. С. 9.